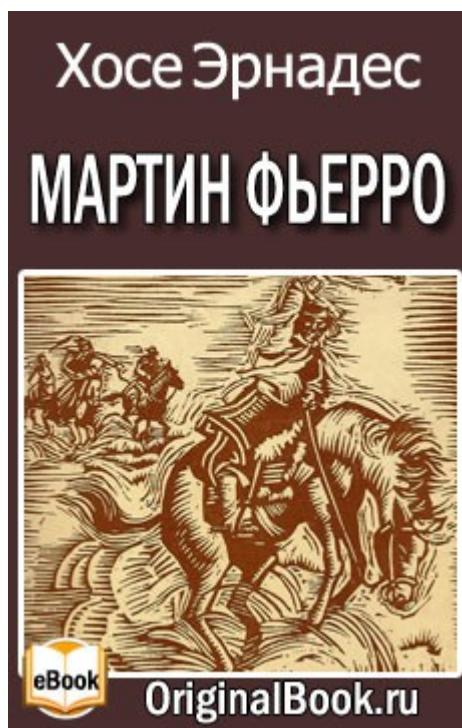

Хосе Эрнадес МАРТИН ФЬЕРРО

Original:

1. [El Gaucho Martín Fierro](#)
(Гаучо Мартин Фьерро)

2. [La Vuelta de Martín Fierro](#)
(Возвращение Мартина Фьерро)

1872, 1879

Перевод с испанского - Михаила Донского

Поэма была опубликована в 1872 году. Основная сюжетная линия первой части концентрируется на вступление Мартина Фьерро в армию, чтобы защиты фортов от нападения индейцев. Потом Мартин Фьерро становится беглецом, которого преследует полиция, он так же знакомиться с сержантом Крус, который присоединяется к нему. Вместе они уходят жить с индейцами, потому что такой тип жизни для них лучше, чем то, что их ждет в цивилизации.

В 1879 году [Хосе Эрнандес](#) опубликовал «Возвращение Мартина Фьерро». Во второй части он изменил сюжет пьесы и идиллическая свобода с индейцами уже “не рекомендуется”, и вместо этого рассматривается вариант приспособиться к жизни в цивилизации, что было отклонено в первой части работы.

Ebook: <http://originalbook.ru>

Мартин Фьерро. Хосе Эрнадес

Часть первая. Гаучо Мартин Фьерро

Песнь первая

Мартин Фьерро

Начинаю петь я песню,
а гитара в лад звенит.
Мне, кто горьким горем сыт,
мне, кто пьян тоской жестокой,
словно птице одинокой,
песня душу облегчит.

Призову я всех святых:
пособите, не оставьте
и на ум меня наставьте,
память сделайте ясней;
коли в повести моей
что напутаю - подправьте!

Пусть святые чудотворцы
речи складность придадут,
зренью остроту пошлют.
К помощи воззвав господней,
начинаю я сегодня
долгий и нелегкий труд.

Есть у нас певцы (их слава
по заслугам велика),
пели встарь про бедняка,

да примолкли, будто в спячке.
Гарцевал конек до скачки,
а скакать - кишка тонка.

Но не след Мартину Фьерро
спотыкаться на скаку.
Раз уж взялся, не сбегу.
В час печальный, в час веселый
любим песню мы, креолы,
и не петь я не могу.

С песней жил я, с ней умру,
с ней я странствовал повсюду,
с песней похоронен буду,
с ней явлюсь перед творцом.
Как родился я певцом,
так вовеки им пре буду.

Пусть слова приходят сами
и ложатся в песнь мою,
как колеса в колею.
Если уж запел я песню,
подо мной земля хоть тресни,-
до конца я допою.

Я усядусь на бугре
и, не мудрствуя лукаво,
петь вам стану - не для славы,
все начистоту, подряд;
ветер будет петь мне в лад,
подпевать мне будут травы.

Я не грамотей, но все же
без усилия, без труда
как из родника вода,
льются из меня куплеты;
а замолкну я, тогда
знайте: моя песня спета.

Как возьму гитару в руки,
тут никто мне не указ;
и польется мой рассказ,
как поток, неудержимо;

вторя мне, заплачет прима,
глухо зарыдает бас.

Словно бык в своем коррале,
не боюсь я ничего;
коль сочтешь за хвастовство -
молодой ты или старый,-
выходи, садись с гитарой,
и посмотрим - кто кого.

Путь я выбрал, не попячусь,
хоть бы он грозил бедой;
сам, без помохи чужой
справлюсь со своею ношней.
С добрыми - я сам хороший,
а с недобрыми - худой.

Сердце у меня не дрогнет,
а рука - хвала творцу! -
не изменит удальцу.
Рад бы жить незлобно, тихо,
но случись любое лихо -
встречусь с ним лицом к лицу.

Гаучо я прирожденный,
нет хозяев надо мной,
вся земля мне дом родной;
ярый бык меня не свалит,
гад ползучий не ужалит,
не спалит полдневный знай.

Вольным я рожден, как рыба,
в море ей преграды нет.
Что дано мне с малых лет,
то никто уж не отымет:
с тем господь меня и примет,
с чем явился я на свет.

Вольный я, что птица в небе.
Только мне уж никогда
на земле не вить гнезда;
коли в поднебесье взмою,
не летит никто за мною -

разве горе да беда.

Злым обидчикам своим
я прощать не собираюсь.
В пампе я один скитаюсь,
прячась, будто зверь степной,
сплю в постели травяной,
звездным небом укрываюсь.

Расскажу все без утайки
я вам о судьбе своей:
не смутьян я, не злодей;
если в грабежах замешан
да в смертоубийстве грешен -
то вина лихих людей.

Бедный гаучо! Он прежде
день за днем, за годом год
проливал не кровь, а пот,
мирной радуясь свободе.
Отчего ж теперь в народе
он разбойником сlyвет?

Песнь вторая

Тот, кто в жизни натерпелся,
пусть не плачется при мне:
может, я хлебнул вдвойне.
Пусть удачник не гордится,
что сегодня на коне,-
ведь недолго и свалиться.

Ежели ты мыкал горе,
ежели ты слезы лил,
ты и мудрость накопил;
в жизни слезы да мученья
лучше всякого ученья -
в эту школу я ходил.

Мы приходим в мир слепыми,
и надежду мы берем
в дальний путь поводырем;

шаг - и мы в глубокой яме.
Жизнь не нянчится, брат, с нами,
учит нас всему битьем.

Гаучо еще недавно
вольным был в родном краю;
прокормить он мог семью
сам, не кланяясь, не клянча,
скот был у него и ранчо.
Жили что в твоем раю!

До свету - уж я на кухне
жар вздуваю под золой...
Это час любимый мой -
час, когда горластый кочет
близкую зарю пророчит,
тихий час предзаревой.

Завернувшись в понcho, спят
сладким сном жена, ребята.
Я потягиваю мате¹,
глядь - и, словно невзначай,
солнце в дымке розоватой
кажет свой багряный край.

Все под солнечным лучом
заиграло, заблестело...
Птаха ранняя запела,
вывел кочет-горлодер
курочек своих во двор...
День настал. Пора за дело.

Тот прилаживает шпоры,
этот выбирает хлыст...
Говор, пенье, смех и свист.
Ржут у коновязей кони,
а быки мычат в загоне,-
утром всякий голосист.

К необъезженным коням
гаучо в корраль вошел;
жеребец и дик и зол,

¹ Мате - парагвайский чай.

ржет, храпит,- поди-ка, в щепки
разнести он может крепкий
высоченный частокол.

Гаучо к нему без страха:
раз - и взнуздан жеребец;
миг один - и удалец
на коня взлетает ловко...
Да, не скажешь, что сноровкой
обделил его творец.

Конь то вздыбится, то мчится,
силясь сбросить смельчака,
гаучо ему в бока
острые вонзает шпоры...
Буен жеребец, но скоро
станет он смиреней телка.

Ну, игра!.. А если навзничь
грянется на всем скаку -
на погибель седоку -
конь, лукавое отродье,
гаучо (он начеку)
спрыгнет, удержав поводья².

У других работа в пампе,
тяжкий труд, не пустяки:
то поразбрелись быки,-
надобно собрать их в стадо,-
то табун кобылий надо
поделить на косяки.

Вечер настает - и снова
после трудового дня
собирается родня;
все, поужинав, любили
старые послушать были
у семейного огня.

Сытые, наговорившись,
дети, и отец, и мать,

² ...гаучо (он начеку) // спрыгнет, удержав поводья.- Среди гаучо это признак высшего мастерства в объездке коней.

все укладывались спать
в мирной тишине домашней;
день же завтрашний опять
был похож на день вчерашний.

Гаучо не ведал горя,
крепко он сидел в седле,
жил привольно на земле,
почитая труд за благо.
А теперь он, бедолага,
в нищете и в кабале.

Даже самый распоследний
гаучо, бедняк-горюн,
он и то имел табун,
да подобранный по масти.
Мчит тебя лихой скакун,
степь да небо... То-то счастье!

А как съедутся, бывало,
на клеймение скота!
Тут соперников с полста
соревнуются в уменье
спутать лошадь для клейменья, -
ловкость, сила, быстрота!

То-то праздник был народу
на десятки лиг вокруг!
Если ты при этом, друг,
отличался в силе, в сметке,
получал ты чарку водки
прямо из хозяйствских рук.

Под повозками всегда
мы от солнца и от пыли
фляги с водкою хранили:
как работа позади,
присосешься ты к бутыли,
словно сирота к груди.

До веселых этих сборищ
каждый был из нас охоч:
этот норовил помочь

больше по обжорной части
(люди-то есть всякой масти),
тот и подсобить не прочь.

Женщинам хлопот по горло:
жарить, да варить, да печь;
тут уж надо приналечь,
наготовить горы снеди,
чтоб запомнили соседи
дни веселых этих встреч.
Подавались прямо в шкуре
запеченные быки ³,
карбонада⁴, пирожки,
масаморра⁵... Посередке -
фляга тростниковой водки...
Эх! Минули те деньки!

Гаучо жил беспечально,
вольно на земле своей.
Ну а нынче? Как зверей,
ловят нас. Лишенным крова,
нет нам выхода иного,
как скрываться от властей.

Сунешься семью проводать,
выследит алькальд-стервец,
и тогда уж ты, беглец,
на спасенье не надейся...
Как веревочка ни вейся,
все равно придет конец.

Коль попался ты им в лапы,
то считай - тебе каюк.
Если не прихлопнут вдруг,
изобьют до полусмерти.
И они ж клянут нас, черти,-
мол, отбились мы от рук.

Спину всю исполосуют,
все печени отобьют;

³ ...прямо в шкуре // запеченные быки - праздничное блюдо, так как кожи ценились и хранились для продажи.

⁴ ...Карбонада - жаркое из мяса, початков зеленой кукурузы, картофеля и риса.

⁵ ...Масаморра - молотый маис, его варят и едят с молоком и сахаром.

а водою отольют
после этой обработки -
и забьют тебя в колодки.
Вот каков их правый суд.

Это все еще полгоря,
горе будет впереди.
Милости от них не жди:
с волюшкой велят проститься,
и другого нет пути,
как в отряд и - на границу⁶.

Этот путь и я прошел,
как и многие другие;
вам спою про дни лихие.
Коли побывать в аду
писано вам на роду,
не спасут и все святые.

Песнь третья

Жил и я в своем дому
(не скитался, будто нищий,
в поисках норы и пищи),
да погнали воевать,
а когда вернулся, глядь -
вместо ранчо пепелище.

Жили мы с женой в достатке:
дом был, утварь и стада.
Как птенцы в тепле гнезда,
мирно подрастали дети...
Нынче я один на свете -
все исчезло без следа.

Как, бывало, в пульперио
вольный съедется народ,
мне там ото всех почет:
сидут в круг, а я в сердке,
осушу я чарку водки -
песнь рекою потечет.

⁶ ...другого нет пути, // как в отряд и на границу.- Имеется в виду принудительная служба гаучо в районах, отвоеванных у индейцев.

Там я раз и начал петь
добрыйм людям на забаву,
а судья - он, черт лукавый,
случая давненько ждал -
стражников туда прислал.
Угодили мы в облаву.

Те, кто были половчее,
прыг в окно - и наутек;
ну, а мне и невдомек:
за собой греха не видел,
сроду мухи не обидел.
И попался я в силок.

Много было нас. Был гринго
с обезьянкой и шарманкой;
над плясуньей обезьянкой
хочотал до слез народ.
Славно началась гулянка,
да худой был оборот.

Был там землекоп-поденщик,
как слыхал я от ребят,-
беглый аглицкий солдат;
видно, ум имел он здравый:
быть солдатом во сто крат
хуже, чем копать канавы⁷.

Взяли всех под караул,
словно мы - злодеев шайка;
им что гринго-попрошайка,
что певец... Забрали враз.
Спасся лишь один из нас:
спрятала его хозяйка.

Сбили всех в один табун,
и такое нам решенье:
в пограничном ополченье
срок придется отбывать.
Ну, дела! Ни дать ни взять -

⁷ ...быть солдатом во сто крат // хуже, чем копать канавы.- Иммигранты-ирландцы, появившиеся в Ла-Плате в 40-е годы XIX в., обычно были пеонами в поместьях или землекопами.

дьявольское наважденье.

С выборов еще последних
зол был на меня судья:
ведь голосовать-то я
и взаправду не являлся⁸.
Как он рявкнет: "Ах, свинья!
Ты в пузицию подался?"

Тьфу! В чужом пиру похмелье!
Мне плевать на них на всех.
Этих выбирать иль тех -
все едино: ихний "список"
не наполнит наших мисок,
не заштопает прорех...

Напоследок насулили
всяких небывальщин нам.
Повторил раз десять сам
наш судья - наврал, проклятый:
"На шесть месяцев, ребята,
а потом - все по домам".

Оседлал я вороного.
Вот конек был - ей-же-ей,
лучших я не знал коней:
с ним на скачках в Айякучо⁹
денег выиграл я кучу.
Конь для нас всего главней.

Я навьючил вороного
всем накопленным добром:
пончо взял, стянул ремнем
войлоки да одежонку...
И свою оставил женку
почитай что нагишом.

Сбрую всю свою и счасть
прихватил я в путь-дорогу:

⁸ ...голосовать-то я // и взаправду не являлся.- Голосование на выборах происходило под строгим контролем властей, и гаучо, не явившийся на избирательный участок, считался преступником.

⁹ ...Айякучо - город в провинции Буэнос-Айрес.

лассо, болас¹⁰, хлыст, треногу...
Полной чашей был мой дом.
Верьте, нет, но я, ей-богу,
не всегда был бедняком.

Потрусили на вороном
я с оружьем и поклажей
в пограничный форт. Под стражей.
Прибыли мы. Что за черт!
Да неужто это форт?
Он норы крысиной гаже.

Зароптали, кто постарше,
не жалели крепких слов;
но один из крикунов
по приказу офицера
был растянут для примера
между четырех столбов.

А начальник объявил нам
о приказе о своем:
беглецов хватать живьем
и - полтысячи горячих.
Дескать: "С них, детей собачьих,
шкуру заживо сдерем".

Нам не выдали оружья,
а что было - отобрали
для храненья в арсенале:
мол, обратно отдадут,
коль индейцы нападут.
Тут и крикуны смолчали.

Били мы сперва баклуши,
а потом за нас взялись:
ну, солдатики, держись!
Душегубам да ворюгам -
тем была бы по заслугам
эта каторжная жизнь.

¹⁰ ...Болас (болеадорас) - оружие гаучо, заимствованное у индейцев. Представляет собой ремень с двумя-тремя обшитыми кожей каменными или деревянными шарами па концах. Болас бросают на скаку под ноги бегущему животному.

Нас плашмя лупили саблей
по плечам да по хребту;
а смолчать невмоготу -
будет разговор короткий:
упекут тебя в колодки
на лихую мастьу.

Где походы на врагов?
Где казармы, где ученья?
Знай в полковничем именье
новобранец спину гнет.
Ежели мы ополченье,
кто ж тогда рабочий скот?

Сеял, жал и молотил я,
хлеб ссыпал я в закрома,
клал кирпичные дома,
глину мял, сучил веревки,
из соломы плел циновки...
И все это - задарма!

Если ж кто из нас, озлобясь
от такой лихой судьбы,
становился на дыбы,
он потом не рад был жизни!
Взяли нас служить отчизне,
а попали мы в рабы.

Минул год. А что ж индейцы?
Днем и ночью мы в трудах,
а они, возьми их прах,
начали шалить и скоро,
видя, что им нет отпора,
вовсе позабыли страх.

Нам разведка приносила
новости день ото дня:
тут вот - резали коня¹¹,
там вон - вся земля изрыта,
отпечатались копыта...
Да, индейцы - не брехня.

¹¹ ...тут вот резали коня - признак, по которому в пампе узнавала о местонахождении индейцев, употреблявших в пищу конину; гаучо ели конину только в крайних случаях.

Общий сбор нам объявили.
 Чуть прикрыты мы тряпьем,
 па одном коне вдвоем,
 без оружья и без седел.
 Коли вправду враг нашкодил,
 то-то мы его пугнем!

Нам устроили манервы,
 поднялась тут суeta,
 только я скажу спроста -
 понапрасну мы потели:
 наш капрал в военном деле
 сам не смыслил пи черта.

И оружья наконец
 дали малую толику;
 кто взял саблю, кто взял пику.
 Ружья нам хотели дать,
 только вышла закавыка -
 нечем было заряжать.

Спьяну выболтал сержант:
 был и порох, мол, и пули,
 да начальники смекнули
 про охотничью нужду,-
 наши пули - для косули,
 весь наш порох - для ньянду¹².

Как прослышим, что индейцы
 учинили где грабеж,
 мы за ними. Только что ж,-
 зряшная была возня:
 до индейского коня
 саблей разве досягнешь?

Где индейцы побывали,
 словно буря там прошла.
 Горя сколько, сколько зла!
 Как нагрянут их отряды,
 тут уж не проси пощады:
 все крашат и жгут дотла.

¹² ...Ньянду - страус, обитавший в пампе.

Убивают без разбора
и детей и стариков.
Мстя за кровь своих отцов,
мчат индейцы с воплем, с гиком
и в остервененье диком
копьями разят врагов.

Сеет страх свирепый воин.
Слившись со своим конем,
он несется напролом;
повод, изготавясь к бою,
левой стиснул он рукою,
правую занес с копьем.

Скачут из глубин степей;
голод, жажда, утомленье
нипочем: терпеть лишенья
им в привычку искони.
Словно муравьи, они -
днем ли, ночью ли - в движенье.

Как индеец мечет болас!
Ежели уходит враг,-
не достать копьем никак,-
он метнет шары вдогонку,
лошадь сразу оземь шмяк,
и копье - врагу в печенку.

Краснокожий что кремень:
нет в нем слабости и страха.
Он живуч, как черепаха:
ты насквозь его проткнешь,
ну, готов... а он с размаха
в спину тебе всадит нож.

Как нагрянут на поселок,
им раздолье: грабят, жгут,
женщин - тех в полой берут.
Пленницам, чтоб не сбегали,
кожу со ступней сдирали;
сам не видел, может, врут.

Слушали, глядели мы -
и в груди у нас кипело.
Мы вдогон кидались смело
по тревоге. Только вскачь
не подымешь наших кляч.
Догонять - пустое дело.

Так, не солено хлебавши,
мы и возвращались вспять.
А случалось нам нагнать
и вернуть скотины малость,
скот начальство ухитрялось
на сторону продавать.

Без толку мы все гонялись
за индейцами. Но раз
пощипали они нас,
и отряд наш после встряски
выезжал не без опаски.
Там и я чуть не увяз.

Вышло это так: индейцы
притаились за холмом,-
дай-ка, мол, солдат пугнем,
гаучо - он трус, раззява.
Едем мы... вдруг - шум и гром!
И на нас - врагов орава.

Хоть застигнуты врасплох,
мы не робкого десятка,-
наконец-то будет схватка.
Выстроились, примем бой.
А индейцы похвальбой
нас страшают для порядка.

Ринулись они в атаку,
аж земля тут затряслась.
Хоть не трусили отродясь,
дрогнул, услыхав их крики:
конь мой был пугливый, дикий,
вдруг лицом ударю в грязь?

Оглушил нас конский топот,

ржанье, вопли, шум и гам
 (верещать па страх врагам
 у индейцев в обиходе).
 Прут как бешеные, вроде
 смерть сама несется к нам.

На конях своих ретивых
 наш они прорвали строй,
 в свалку превратился бой.
 Дикии того и ждали,
 жертву с лету выбирали:
 этот - твой, а этот - мой.

Выпустит индеец мигом
 из тебя все потроха.
 Что уж тут таить греха:
 мы неслись - все силы в шпорах, -
 ровно голуби, которых
 ястрема крушат с верха.

Кто из нас копьем владеет,
 как индеец? Испокон
 в этом деле он силен.
 Раз попали в передрягу,
 тут сам бог велит дать тягу:
 не попрешь, брат, на рожон.

В этой жаркой суматохе
 вдруг один головорез
 мчится мне наперерез.
 "Христианская собака! -
 он вопит.- Тебе конес,
 это твой последний драка!"

И копьем он замахнулся,
 вижу - метит прямо в грудь,
 норовит насквозь проткнуть...
 Вот ведь не было печали!
 Кабы я помешкал чуть,
 тут уж поминай как звали.

Оплошай я, день бы этот
 был моим последним днем.

Сроду не был драчуном,
но уж тут меня приперло:
сердце, словно жабье горло,
заходило ходуном.

Болас отцепил я вмиг -
я на это дело спорый,-
как коня огрею шпорой!
Бешено скакнул он вбок...
Мой отчаянный бросок
спас меня от смерти скорой.

Да, язычник - был, кажись, он
ихнему вождю родня -
срезал бы в тот день меня,
как срезают спелый колос,
если б я, метнувши болас,
не ссадил его с коня.

Спешился я - и к нему:
хватит, дьявол краснокожий,
горло дратъ да корчить рожи!
Кончил с ним я без помех.
Убивать людей негоже,
по уж тут был грех не грех.

На его коня вскочил я...
К счастью, из врагов никто
не был рядом, а не то
вмиг меня бы эти черти
превратили в решето.
Был я на волос от смерти.

Песнь четвертая

Что ж, пожалуй, стану дальше
свой разматывать клубок.
Сбереженный в тот денек
от разбойников судбою,
как я сам пришел к разбою?
Расскажу вам, дайте срок.

Нам за службу полагалось

жалованье. Да куда!
Исчезала без следа,
не дойдя до нас, монета:
видно, застревала где-то.
Заедала нас нужда.

Нищенским своим обличьем
устрашали мы людей.
В жизни каторжной моей,
полной бедствий и скитаний,
я ни раньше, ни поздней
не видел подобной рвани.

Не имел я ни рубашки,
ни подобия ее,
ветхое носил тряпье.
Из такого я, бывало,
трут готовил для кресала.
Чем не барское житье?

Пончо, седла, потники,
и уздечки, и седелки -
все сменяли мы в поселке
на табак да на маис.
Озверели, будто волки,
мы от голода и крыс.

Я ворсистую попону
выиграл однажды в бабки.
Щеголял я в этой тряпке -
как-никак, а потеплей.
Сколько в ней гнездилось вшей!
Вши - они ведь тоже зябки.

Все ж бодрился я, покуда
конь мой верный был со мной;
только день настал лихой,
и начальник наш придумал:
плохо жеребца кормлю, мол,-
тут и сгинул вороной.

Вам страдания такие
не представить ни почем:

пеший, чуть не нагишом,
битый, мученый, без денег...
Будь я вор или мошенник,
хоть бы знал, что поделом.

Так за месяцем шел месяц,
минул год, пошел второй,-
перемены никакой.

Ох, и было же нам тошно!
Знать, терзали нас нарочно
этой горькой кабалой.

Изредка нас отпускали
поохотиться. С зарей
выезжали мы гурьбой,
прихватив болеадорас;
попадались нам порой
то ньянду, то дикий порос¹³.

К вечеру мы возвращались,
измочалив лошадей;
перья, шкуры - наш трофей -
мы несли, понятно, в лавку,
брали там к пайку прибавку -
водки, табаку, харчей.

Лавочник дружил с начальством
и в торговле был мастак.
Мате нам давал, табак;
угодишь ты самодуру,
выложит тебе за шкуру
и серебряный кругляк.

Лавка - дрянь: четыре фляги
да порожних два бочонка,
но торговлю вел он тонко -
все там мог найти наш брат.
Пуст был провиантский склад,
но полным-полна лавчонка.

"Чудотворцем" окрестил
этого проныру кто-то.

¹³ ...Порос - дикий кабан.

Торговал он без просчета
и лихву такую греб!
У него, у живоглота,
знать, был страусовый зоб.

Не обманешь - не продашь,
все кабатчики деляги,
но до нашего плутяги
где уж им: десятки фур
перьев вывез он и шкур
за свои четыре фляги.

По уши в долгу мы были:
все-то он до мелочей
в книге проставлял своей.
Жалованья ждали-ждали,
да и ждать уж перестали:
запропал наш казначей.

Так и не приехал к нам
от правительства посланец,
сгинул начисто, поганец.
Время шло... Но вдруг майор
объявляет общий сбор:
будут, мол, давать аванец.

Кто с долгами расплатился,
кто вернул себе назад
вещи, сданные в заклад...
Лавочнику перепало
барыша в тот день немало,
поднажился этот хват.

Что мне лезть? Стоял в сторонке,
на жердину опершись,
думаю себе: крепись!
Стадо, что ли, тут какое
сгрудилось у водопоя?
Вызовут, не торопись.

Только правду вам сказать,
я, приросши к той жердине,
жал бы вызова поныне...

Слышу - кончился галдеж.
Обошли меня? За что ж?
По какой такой причине?

Аж внутри захолонуло.
Как так? Надо разузнать.
Я - к майору. Он, видать,
был не в духе, глянул строго;
я спросил его с порога:
"Мне что - завтра получать?"

"Завтра? - рявкнул он в ответ,-
Свиньи! Эк вас разобralо.
Сколько вам ни дай, все мало".
Я в затылке почесал:
"Мне ж никто не выдавал
ни единого реала".

Выпучил глаза он, будто
съесть меня хотел живьем,
глянул в книгу, а потом
вскинулся с истошным визгом:
"Ты не числишься по спискам!
Зря мы денег не даем".

Так и есть, подумал я,
все треклятые бумаги:
обдурить хотят, бродяги.
Здесь я около двух лет,
в каждой жаркой передряге
налицо, а в списках - нет!

Только этих дерзких мыслей
не услышал наш майор:
затевать с начальством спор
для простых людей рисково.
И, не вымолвив ни слова,
выкатился я во двор.

Утром вызвал гарнизонный.
Речь повел такую он
(знать, в политике силен):

"Росас¹⁴ был тиран, а ныне произвола нет в помине, есть порядок и закон".

Он позвал капрала. Тут потекли рекой чернила: сколько, мол, служу, что было из имущества с собой, конь гнедой иль вороной, жеребец или кобыла?..

Шло дознанье для блезиру, так, пустая канитель: денежки-то в свой кошель положили, сучьи дети. Хлопотать? Схлопочешь плети: я один, а их - артель.

Так жирела и жирела эта шайка обирох от несчастных наших крох. Воры! Довели солдата: с голодухи я иссох, и - ни курева, ни мате.

Словно малый страусенок, что отбился от своих, рвался я в силках тугих. Чтобы уцелеть, для виду я смирился и притих, затаив в душе обиду.

Песнь пятая

Я отчаялся и твердо порешил удрачить домой. Словно радости какой, ждал я вражьего набега: в суматохе боевой будет случай для побега.

Пограничные войска?

¹⁴ ...Росас (Хуан Мануэль Ортис де Росас; 1793-1877) - аргентинский диктатор в 1829?1852 гг.

Эх! Не служба, а издевка.
Одурачили пас ловко!
Да, Мартин, попался ты:
это просто мышеловка,
что поставили коты.

Сплошь вранье, во всем обман.
Люди в- ополченье взяты,
а какие мы солдаты?
Жди, когда нагрянет враг.
А покуда ты - батрак,
только безо всякой платы.

Тут начальники, понятно,
руки греют без помех:
завелись у них у всех
скот, работники, хозяйство.
И такие негодяйства
там творились - вспомнить грех!

Сидя на своем добре,
в деле воинском ослабли:
глотки - прорвы, руки - грабли.
Чтоб исправно службу несть,
что иметь ты должен? Честь.
Чем владеть? Конем да саблей.

Понял я, что кровососы
мне свободу не вернут.
Нынче ль, через год ли - тут
и схоронят бедолагу.
Лучше уж рискнуть, дать тягу,
может статься, не сгребут.

Вышел мне вдобавок штраф:
часовому-бедокуру
что-то показалось сдуру -
шум поднялся, руготня...
И распялили меня,
как сырью бычью шкуру.

С поля возвращался к форту
я однажды в поздний час,

караульный же как раз
был в подпитии изрядном
и во мраке непроглядном
обознался с пьяных глаз.

С этим гринго столковаться
мог бы разве духовник:
так коверкал он язык.
Звал себя по-по-литанец,
но, вернее, он, поганец,
нехристъ был иль еретик.

Стало быть, в ту ночь стоял он
у заставы на часах.
Спьяну-то меня впотьмах
не узнал и всполошился;
за его дурацкий страх
я потом и поплатился.

Сослепу как завопит он
мне навстречу: "Кто идет?"
Я в ответ: "Сам идиот".
Он мне: "Говори пароля!"
Я ему: "Тебя пороли?
Что ж тут хвастать, обормот!"

Вдруг я вижу,- ах ты, дьявол!
он схватился за ружье.
Вот хмельное дурачье!
Кабы спьяну не промазал,
не внимали б вы рассказам
про мое житье-бытье.

Выстрелом, само собой,
поднял дуралей тревогу.
Выскочили на подмогу
офицеры. Суд был прост:
караульному - на пост,
мне - на плац. Зазря, ей-богу!

А на том плацу - четыре
в землю загнанных штыка.
Уперся майор в бока -

он и сам-то был хмельненек:
 "Ну-с, поучим дурака,
 как ходить да клянчить денег".

К четырем штыкам - четыре
 сыромятные ремня:
 так распялили меня,
 стало небо мне с овчинку...
 И честил мерзавца гринго
 я всю ночь до бела дня!

И зачем их, чужаков,
 к нам на службу нанимают?
 Ничего не понимают,
 не умеют ни черта;
 неразумнее бывают
 бессловесного скота.

Гринго - рохля и раззява.
 Ни тебе взнудзать конька,
 ни загнать в корраль быка,
 ни свернуть, ни бросить лассо,
 ни освежевать телка,
 ни изжарить в углях мясо.

Целый день они в безделье,
 только чешут языки,
 ждут, как барские сыники,
 кто б изжарил им асадо¹⁵.
 Тут их подгонять не надо:
 жрать все гринго мастаки.

Млеют в зной, трясутся в стужу.
 Денег жаль им на табак,
 норовят стрельнуть "за так";
 иногда из-за окурков
 доходило и до драк.
 Стыд глядеть на полудурков.

В непогоду трусят, будто
 псы, услышавшие гром.
 Не подбить их ни почем

¹⁵ ...Асадо -жаренное на вертеле или на решетке мясо.

на лихое предприятие;
не имеют и понятья
о житье-бытье степном.

Гринго смотрит, да не видит,
к звукам пампы не привык;
каждый шорох, топот, крик
может гринго огорошить.
Страус пробежит он: "Лошадь!"
"Пронесется конь, он: "Бык!"

Если вышлют на индейцев,
гринго уж наверняка
забоится пустяка,
повернет и в форт поскачет.
Ждать от гринго службы - значит,
от козла ждать молока.

Песнь шестая

Жизнь моя - черед несчастий,
но теперь я поведу
речь про злайшую беду.
Ежели страданье гложет,
человек молчать не может:
песней душу отведу.

В эту пору из округи
наших ратников опять
к форту начали сгонять.
По каким таким причинам?
Мол, в спедицию идти нам,
краснокожих усмирять.

Мол, в походе не нужны
ни быки нам, ни двуколки.
Как индейские поселки
в прах сотрем, заплатят нам
и распустят по домам.
Вот какие были толки.

Ждет нас верная победа,
так начальник нам сказал.

Дескать, едет генерал,
сам дон Ганса¹⁶. Кто такой он
и великий ли он воин -
ни один из нас не знал.

Будто соберет он войско
да и двинет нас в поход;
пушки оп с собой везет,
да, поди ж ты, не простые,
как бишь звать их - нарезные.
Вот придумал, сукин кот!

Мне-то что? Ну, пусть приедет
к нам столичный пустопляс...
Ладно уж морочить нас!
Эко диво - нарезные,
сам, случалось, в пульперии
нарезался я не раз!

Думали вы, обещаньям
так я и поверю вдруг?
Вырвусь сам их ваших рук,
не трусливый я, не хилый.
Гаучо не сломишь силой,
не возьмешь и на испуг.

Сызмальства к труду привычный,
в господа не лез я, что ж,
чем мой жребий нехорош -
жребий трудовой, бедняцкий?
Но на каторге солдатской
стало вовсе невтерпеж.

В жизни быть мне доводилось
только зайцем да борзой.
Пусть я человек простой,
все же так смекаю вроде:
должен печься о народе
 тот, кто вознесен судьбой.

Как-то ввечеру засели
гарнизонный да судья

¹⁶ ...Дескать, едет генерал, // сам дон Ганса - военный министр, генерал Мартин де Гайнса (1814?1888).

за бутылкой. Понял я,
что мое приспело время:
хвать коня - и ногу в стремя.
Здравствуй, волюшка моя!

Пампа, ты мое раздолье,
ширь бескрайняя да гладь,
ты передо мной опять.
Днем ли, ночью - здесь я дома,
все мне любо, все знакомо,
славно жить, легко дышать.

В пампе гаучо - хозяин.
Кто в ней вырос с малых лет,
знает множество примет.
А не то (бывает всяко)
я и нюхом, как собака,
нападу на верный след.

Голодранец, дезенътир,
пусть, а все-таки на воле!
Хоть три года - нет, поболе -
не бывал в родном дому,
не сыщу дороги, что ли,
я к жилищу своему?

Где же ты, родное ранчо?
Только угли да зола...
Боль мне сердце обожгла.
Господи Иисусе... Ладно!
Буду мстить я беспощадно,
не прощу такого зла.

С горя тут любой из вас
зарыдал бы в голос тоже,
хоть мужчинам и негоже.
Свет в глазах моих померк.
Был мне этот день, о боже,
как тебе страстной четверг.

Вдруг почудилось мне, будто
кто-то жалостно зовет:
это замяукал кот.

В заячьей норе, поди-ка,
укрывался горемыка¹⁷,
ждал - хозяин, мол, придет.

Как своих я покидал,
думал, что до скорой встречи.
(Эх, простак был, человече,
что поверил ты судье!)
И легли жене на плечи
все заботы о семье.

Вскорости - как от соседа
я потом узнал - пришли
выгонять ее с земли.
Уплатить аренду надо,
то да со... Все паше стадо
(дескать, за долги) свели.

Чем же мать детей прокормит?
Поневоле пареньки
подались тут в батраки;
так с родным гнездом простились
молодые голубки,
хоть еще не оперились.

Рано мачеха-судьба
их толкнула на скитанья.
Старший брат в час испытанья
не оставит малыша.
Может, добрая душа
даст им кров и пропитанье...

А жена? Где ты, голубка?
Поначалу воронье
грабило гнездо мое,
а потом - шасть ястреб с неба.
Ей кусок был нужен хлеба,
я ж не мог кормить ее.

У одних во всем излишки,
у других нет и рубашки;

¹⁷ ...В заячьей норе, поди-ка, // укрывался горемыка...- Американские зайцы (вискача) вырывают для себя большие норы.

как ей было жить, бедняжке,
коли денег - ни полушки
и скотины - ни телушки...
Голод - он не даст поблажки.

Коль нам свидеться, голубка,
не судьба, пускай господь
даст тебе защиту! Хоть
глух он был к моим моленьям,
шлю я вам благословенье,
дети, кровь моя и плоть!

Налетел суровый ветер,
подхватил вас и понес.
Много будет горьких слез
в жизни вашей, мальчуганы.
Ежели бы для охраны
был при вас хоть верный пес!

У бедняжек нету крова,
чтоб от бури им укрыться,
нет куска, чтоб прокормиться,
нет огня, чтоб отогреться,
нет рубашки, чтоб одеться,
нету пончо, чтоб накрыться.

Сердце ноет, лишь помыслию,
как их доля нелегка:
кто приветит бедняка,
посочувствует страданью?
Чаще прогоняют с бранью
от чужого очага.

И, поджавши хвост, понуро,
словно бы щенки, к примеру,
сыновья Мартина Фьерро
будут кланяться сеньору...
Больше было бы им впору
сунуться к зверью в пещеру.

Но в игре нечестной этой
я участие сам приму;
хоть чужого не возьму,

а свою взыщу я долю.
Впредь себя уж никому
заарканить не позволю.

И бесхитростно и тихо
жил я, но изведал лиха,
и теперь меня не трожь!
Распознал людей я ныне,
и меня не проведешь,
как бывало, на мякине.

Да, я мучен и учен,
видел жизнь со всех сторон.
Знаю, как плетутся сети
чинодралов-заправил,
и не пожалею сил,
чтоб силки распутать эти.

Кто - родимый край покинул,
кто - смирился и притих,
я же для врагов лихих
стал страшнее ягуара:
мощу безжалостно и яро
за детенышней своих.

Кое-кто нас почитает
за скотов, не за людей,
нам все горше, все трудней.
Все же, как тебе ни худо,
бедный гаучо, покуда
кровь есть в жилах - не робей!

Песнь седьмая

Я не знал, куда податься,
всюду лишний, всем чужой.
Потому как был я беглый,
стражи рыскала за мной.

В полымя, Мартин, как видно,
угодил ты из огня.
Стать бродягой - только это
и осталось для меня.

Кто такой я? Дезенътир!
 Ранчо нет, жена пропала,
 жалкое тряпье па теле,
 в поясе - нет ни реала¹⁸.

Курева и то не видел
 я не счесть уж сколько дней...
 Хоть изъездил всю округу,
 не нашел я сыновей.

На беду, прослышал раз я,
 что в селении одном
 будут танцы, и подумал:
 что ж, и мы туда махнем.

Там друзей я встретил старых,
 о себе поведал им;
 ну, понятно, угостили,
 и нарезался я в дым.

Забуянил я, хоть прежде
 смирен во хмелю бывал.
 Вижу, негр и негритянка,
 к ним я сдуру и пристал.

Ничего-то негритянка
 мне не сделала худого,
 только выпалил я спьяну:
 "Ишь! П-п-пустилась в п-п-пляс,
 к-к-корова!"

Глянула она с презрением
 и сказала: "Ишь срамник!
 Видно, мать его корова,
 что бодливый он, как бык".

И пошла, махнув подолом,
 гордо, что твоя сеньора,
 только засверкали зубы,
 белые, как масаморра.

¹⁸ ...в поясе нет ни реала.- Широкий кожаный пояс гаучо имел отделения для хранения денег.

Я сказал: "Из черной кожи,
эх, и вышло бы седло!"
И куплетец всем известный
затянул я ей назло:

"Господом был создан белый
и святым Петром - мулат,
а из адских головешек
черт наделал негритят".

Негр озлился не на шутку -
ведь придрался к ним я зря;
на лице глаза сверкнули,
как во тьме два фонаря.

Я очнулся: что ж я людям
нагрубил в хмельном пылу?
"Плюнь, мол, на слова, не думай,
что сказал я их ко злу".

Парень аж подпрыгнул, будто
нож в кишki ему вошел:
"Что? Козлу? Ах ты, паршивец!
Сам вонючий ты козел!"

На меня он с кулаками...
Драться? Погоди, сейчас,-
и, примерясь, я кувшином
треснул парня между глаз.

Хрюкнув, как кабан, от боли,
привалился он к стене.
Вдруг как выхватит оп ножик
да как бросится ко мне!..

Увернулся я и крикнул:
"Ишь, бычок вошел в игру!
Я не от тебя родился
и не от тебя помру".

На руку набросив пончо¹⁹,

¹⁹ ...На руку набросив пончо...- Намотанное на левую руку пончо служило гаучо, как испанскому идальго плащ, своеобразным щитом, которым в сражении он отражал удары.

он ответил мне: "Ну что ж,
это мы сейчас проверим,
может, от меня помрешь".

Тут штаны мы подвернули,
живо отцепил я шпоры,
видно, впрямь дошло до дела -
не пустые разговоры.

От опасности трезвеешь.
Был хоть здорово я пьян,
сразу же окрепли ноги
и слетел хмельной туман.

Парень, заскрипев зубами,
кинулся, как ягуар.
Дважды он ножом ударил,
дважды я отвел удар.

Был при мне мой неразлучный
с лезвием стальным факон²⁰,
я на негра замахнулся,
отразил удар и он.

Тут по голове курчавой
я плашмя хватил в сердцах;
закачался он и еле
удержался на ногах.

Но очнулся, и, хоть струйкой
с темени стекала кровь,
он с удвоенною злобой
ринулся в сраженье вновь.

Ослепленный блеском стали,
я моргнул, и удалось
негру пропороть мне щеку
кончиком ножа²¹ насквозь.

²⁰ ...Факон - прямой длинный тесак, характерное оружие гаучо.

²¹ ... удалось // негру пропороть мне щеку // кончиком ножа...- По этикету гаучо, порезы па лице - особенно обидное ранение, демонстрирующее очевидное превосходство противника.

Я вскипел и стал работать
лезвием и острием:
мне тебя, мол, черный дьявол,
в ад отправить нипочем!

Бился я в остервененье
все отчаянней и злей.
Р-раз! Попал... И враг мой наземь
рухнул, как мешок костей.

Вздрогнувши последней дрожью,
приказал он долго жить.
И того, как помирал он,
мне вовек не позабыть.

Подбежала негритянка,
посерела аж с лица,
кинулась на мертвца
и завыла, как волчица.
Мог бы тут я рассердиться,
плюхой мог заткнуть ей рот,
да подумал: что я, скот,
нехристъ я или разбойник,-
драться, где лежит покойник?
Пусть, бедняга, поревет.

Я факон отер травою,
молча отвязал коня,
сел в седло и ехал шагом
вплоть до наступленья дня.

Мертвца зашили в шкуры
и засыпали землей,
и никто над ним молитвы
не прочел за упокой.

В ночи ясные, как слышно,
там блуждает огонек:
стало быть, успокоенъя
дух его найти не смог.

Чтоб не мучился несчастный,
надо мне его отрыть

и останки честь по чести
на кладбище схоронить.

Песнь восьмая

Как-то раз в одном трактире
вечерок я коротал.
Вдруг к трактиру подскакал
парень франтоватый, бойкий,
сразу видно - грубиян:
у ворот с коня не слез,
прется с ходу под навес.
Я молчу, стою у стойки.

Был он местный забияка.
Все ему сходило с рук,
потому что был он друг
ополченского майора.
Обожал он задирать
всех окрестных бедолаг,
знал: пеон или бедняк
не дадут ему отпора.

Он не думал, не гадал,
что ему готовит случай!
Время смерти неминучей
нам провидеть не дано.
Так уж мир наш сотворен:
люди словно бы незрячи,
беды ждут нас иль удачи -
все для нас темным-темно...

Спешился, толкнул пеона,-
знайте, мол, мою отвагу,-
выпил, мне подвинул флягу:
"Эй, зятек, хлебни со мной!"
Я в ответ: "Зятек? Не помню,
спал ли я с твоей сестрой".

"Гаучо,- сказал мне он,-
видно, жизнь тебе постыла?
Что ж, найдется здесь могила.
Больно дерзкий твой язык;

уж не вякать бы теленку,
коль мычит в коррале бык!"

Мы схватились. Был он ловкий,
легкий на ногу креол,
ну, и сам я не тяжел...
Поплясал с ним для сугрева
и лихим ударом слева
брюхо наглецу вспорол.

Повстречаться с правосудьем
я не больно-то желал.
Как он лапы вверх задрал,
как заверещал кабатчик"
(мол, разбою не потатчик),
я раздумывать не стал.

Раз, через забор! В седло!
Поручил себя я богу
и пустился в путь-дорогу,
унося из этих мест
боль мою, мою тревогу.
Век скитаться - вот мой крест.

Прячься - нищий и гонимый,
будто проклят навсегда:
ни норы нет, пи гнезда.
Ты ведь гаучо,- за это,
как за самый страшный грех,
сжить хотят тебя со света.

Ты - одер: кто оседляет,
на того и гнешь хребет.
Ты рождаешься на свет,
словно деревцо степное:
пи от бури, пи от зноя
для тебя укрытия нет.

Окунет монах в купель,
в поучение добавит:
"Бог па путь тебя наставит".
Вот и все - и ты пошел
колесить по белу свету,

как навьюченный осел.

Ты дрожишь под зимним ветром,
как ничейная овца;
вырастаешь без отца:
он в солдатской злой неволе.
Чьи своей сиротской долей
ты растрогаешь сердца?

С горя ежели хлебнешь,
скажут - "гаучо-пьянчуга".
Коль пошутишь в час досуга:
"Гаучо, мол, грубиян".
Сдачи дашь врагу - "буян",
а не дашь - и вовсе тugo.

Ни подруги, ни детей,
ни защиты, ни опоры,
все-то над тобой сеньоры,
друга нет, хозяев тьма.
Словно вол ты бессловесный.
"Вол, куда ж ты без ярма?"²²

А сбежишь, ночуй в чащобе
да скитайся средь степей.
Коли (с голоду, ей-ей)
заарканишь ты теленка,
за тобой начнется гонка:
ты - "злой гаучо", "злодей"!

И когда найдешь конец
ты в кабацком шуме-гаме
с выпущенными кишками,
ни молитв тебе, ни слез:
будешь ты зарыт, как пес,
в первой придорожной яме.

Мир в стране или война,
нам и так и эдак худо:
голосу простого люда
не внимают небеса
и правители... покуда

²² ...Вол, куда ж ты без ярма? - Поговорка: вола, неспособного носить ярмо, отправляют на бойню.

не нужны им "голоса".

Ждут тебя тюрьма, острог,
не доищешься ты правды.
Будь хотя и трижды прав ты,
беден - значит, виноват.
Колокол твой - деревянный:
кто услышит твой набат?

Стерпишь - "гаучо-скотина",
вспыхнешь - "гаучо-бандит".
Мало, дескать, был он бит,
вдарь-ка, всыпь ему погуще!..
Гаучо! Эх, хуже нет
этой доли проклятущей.

Ах ты, жребий мой лихой,
ах ты, жребий злополучный,
мы с рожденья неразлучны,
так пойдем с тобой вдвоем,
я дорогу для обоих
проложу своим ножом.

Песнь девятая

Став мятежником, держался
я подальше от жилья.
Если ж подкормиться я
заезжал порой на ранчо,
озирался, как каранчо²³:
нет ли близко солдатья?

Если гаучо пошел
с горя по худой дороге,
вечно он живет в тревоге
и петляет, как лиса:
унести бы только ноги
от охотниччьего пса.

В сумеречный час, когда
ночь близка и все живое
ищет сонного покоя,

²³ ...Каранчо - стервятник, охотится вблизи жилья.

вез я долюшку мою
по лугам да по репью
на пристанище ночное.

Ежели ягненок блеет,
откликается овца;
вторит ржанью жеребца
громкое кобылье ржанье;
лишь рыданье беглеца -
безответное рыданье.

Где бы ни был днем, а к ночи
я пускался в путь-дорогу:
может, разделю берлогу
я с каким-нибудь зверем,
не хотелось к людям в дом
приносить с собой тревогу.

Вдруг полиция нагрянет?
Я для стражников злодей,
стало быть, хватай да бей,-
что ж, мне им живьем сдаваться?
Гаучо не станет драться
среди женщин и детей.

На ночь я искал в степи
логова, как пес бродячий;
ждал, как редкостной удачи,
брошенного шалаша,
а не то - мне хороша
будет и нора вискачи.

Гаучо, как привиденье,
рыщет на своем коне
в полуночной тишине
по равнинам, сном объятым;
но уж в пампе-то солдатам
не накрыть его во сне.

Смелость - вот его надежда,
осторожность - вот закон;
от врагов он защищен
только милосердьем бога,

резвый конь ему - помога,
верный друг ему - факон.

Так я думал звездной ночью.
Звезды - утешенье нам,
тем, чью душу по ночам
бередит кручина злая.
Видно, бог, их создавая,
в них искал утешу сам.

И с надеждою глядишь
ты на огоньки живые.
В пампе в ночи грозовые
заплутаешься, по чуть
вдруг проглянут Три Марии²⁴,
сразу же найдешь свой путь.

И немногого тут стоят
грамотеи "доктора".
Хоть паука и хитра,
степь ей не дается в руки,
гаучо не по науке
знает пампу,- от нутра.

Ох, и часто грусть-tosка
по ночам меня томила:
хоть бы чья душа делила
одиночество мое!
Рядом-то одно зверье
да небесные светила.

Так и в эту ночь: один
ветру жалобы вверяю,
а вокруг-то тьма без краю,
ночь пустынна и тиха...
Чу!.. Вдали кричит чаха²⁵!
Сразу уши навостряю.

Слушаю, к земле приникнув:

²⁴ ...Три Марии - простонародное название созвездия Орион.

²⁵ ...Чаха (яха) - крупная птица; отличается особенной чуткостью и поднимает крик при малейшем шуме. Для гаучо, называвших эту птицу "часовым", ее крик был сигналом тревоги.

пампа вдалеке звенит
под ударами копыт.
Если есть житейский опыт,
то тебе и конский топот
лучше слов все говорит.

Поневоле ты сторожкий,
ежели властям ты враг.
Распластавшись, как червяк,
слушаю. Проходит время...
В топоте копыт вдруг - бряк!
Сабля стукнула о стремя.

Едут молча. Неспроста.
Ищут, стало быть, кого-то.
Может, на меня охота?
Ладно, намотал на ус.
Только гаучо не трус,
удирать мне неохота.

Осенясь крестом, отпил я
водки добрых два глотка:
коль тверда твоя рука,
так на пользу будет чарка.
Мол, согреюсь сам, пока
мне от них не стало жарко.

Шпоры снял, чтоб не мешали,
пояс туже затянул
и штаны я подвернул.
Чтобы испытать факон,
хорошо ли навострен,-
я тростинку резанул.

Лошадь привязал к кусту,
чтоб она мне пособила:
ведь врагов, должно быть, сила!
в схватке прислонясь к коню,
тем себя обороню
я от нападенья с тыла.

Темнота... Но топот близко,
не минуют, жди не жди.

Каюсь, екнуло в груди,
все-таки я крикнул громко:
"Вот он - я. А то в потемках
не заметите, поди".

Я хотел им показать,
с кем они имеют дело:
что мужчина встретит смело
появление врагов,
что душа не оробела,
что к сраженью я готов.

Слышу голос: "Ты преступник:
с форта совершил побег
и убил двух человек.
Больше не бывать разбою,
выслан нынче за тобою
полицейский наш отряд.
Берегись - прихлопнем, брат.
Лучше сдайся-ка без бою".

Я ответил им: "Вы бросьте
толковать о мертвецах,
не тревожьте мертвый прах.
Больно много у вас прыти,
разве я у вас в руках?
Вы меня сперва возьмите".

Спешилась вся их команда.
Загнан зверь и окружен:
гончие со всех сторон.
Душу поручил я богу,
всех святых призвал в подмогу
и схватился за факон.

Я сперва увидел вспышку,
гулко грохнул гарабин.
Промахнулся, чертов сын.
Больше он стрелять не станет,
да и на ноги не встанет.
Так-то. Недурной почин.

А второй расправил болас,

только врешь - кишка тонка:
 кончиком ножа слегка
 я пощекотал парнюгу,-
 он шарахнулся с испугу,
 как собака от пинка.

Бестолково (знать, впервой
 им сражаться выпал случай)
 на меня пошли всей кучей;
 в суетне да толкотне
 сами помогали мне -
 перли на факон колючий.

Отделившись от других,
 двое па меня напали;
 саблями они махали
 вроде бы и половчей,
 были в яростном запале
 злее гончих кобелей.

Малость отступив для вида,
 пончо я с руки сронил;
 только на него ступил
 новичок в задоре пылком,
 дернул я что было сил,
 он и грянулся затылком.

А второй, один оставшись,
 живо растерял всю прыть;
 тут я стал его теснить,
 и ему пришлось бы худо,
 только понял оп, паскуда,
 что разумней отступить.

Глядь, напер еще один
 с длинной тростниковой пикой²⁶
 (знать, от храбрости великой).
 Я, перерубив тростник,
 крикнул: "Я тебе не бык,
 пикой ты меня не тыкай!"

Вижу, зорька заалела.

²⁶ ...с длинной тростниковой пикой.? Пика - орудие погонщика скота.

В мыслях к деве пресвятой
обратился я с мольбой:
"Коль из этой заварухи
нынче вылезу живой,
не обижу впредь и мухи".

И как прыгну прямо в гущу:
не уйдешь ведь от судьбы.
Изготовясь для борьбы,
встав потверже, поплотнее,
круг факоном по земле я
прочертил - из похвальбы²⁷.

Только первый замахнулся,
чтобы саблей рубануть,
дал ему я локтем в грудь,
и, припавши на коленки,
я успел ему швырнуть
ком земли с размаху в зенки.

Охнул он и, сквернословя,
начал протирать глаза;
я сказал: "Пусть небеса
упокоят дух твой грешный.
Не посетуй, друг сердечный".
Ну, и дал ему раза.

Но над ухом в этот миг
чья-то сабля просвистела
и концом меня задела.
Хоть царапина, пустяк,
рассердился я: "Ах, так?"
Сердце у меня вскипело.

Живо отскочил назад я
и, пригнувшись, словно кот,
снова кинулся вперед
на ближайшего солдата.
Что поделать, рановато
с жизнью он покончил счет...

²⁷ ...круг факоном по земле я прочертил - из похвальбы.- Очерчивая границу, за которую не переступит противник, гаучо показывает таким образом свое презрение к нему.

Смерти ждал я. Но господь
изменил мою планиду:
стражник - мой земляк по виду
крикнул вдруг: "Да он не трус!
Стойте! Слышите вы? Крус
храбреца не даст в обиду".

И напал со мною вместе
он на собственный отряд.
Худо дело для солдат:
дрался Крус, как волк матерый,
защищающий от своры
логово своих волчат.

Двое на него напали,
одного он - наповал,
а другой и сам удрал.
Больше лезть на нас не смея,
расползлись враги, как змеи.
Догонять я их не стал.

Этот ковылял, ругаясь,
тот стонал лишь, недвижим,
мало кто был невредим.
Крус, перекрестившись хмуро,
крикнул: "Скажете своим,
пусть пришлют команду с фурой".

Я к убитым подошел,
на колени повалился,
об душе их помолился,
крест связал из двух жердей,-
скольких я побил людей,
кабы этот грех простился!

Мы сложили их рядком
да и дернули подале.
То ли мертвых закопали,
то ли нет. Всего верней,
там, на месте, до костей
их стервятники склевали.

Дело ясное, что тут

нам понадобилась фляга.
 С кем такая передряга
 ни случись, не грех глотнуть,
 ну а Крус уж как-нибудь
 был не трезвенник, не скряга.

Фляга емкая. Хлебнули -
 ехать стало веселей;
 так по очереди к ней
 мы прикладываться стали,
 запрокинувшись, сосали,
 словно аист-длинношей.

"Спросишь, друг, куда я еду? -
 молвил я.- Куда-нибудь.
 Мне судьба укажет путь.
 Ну, а если волк двуногий
 встанет поперек дороги,-
 прочь сумею отшвырнуть.

Я беглец, и нет приюта
 для меня в родном kraю.
 С кем делить печаль мою?
 Где укрыться в непогоду?
 Только за свою свободу
 я еще, брат, постою.

Были у меня до службы
 дом, хозяйство и семья,
 а когда вернулся я,
 бобылем стал неимущим.
 Что-то мне сулит в грядущем
 горькая судьба моя?"

Песнь десятая

Крус

Ты, дружище, прав: не счастье
 горестей простого люда.
 Смиренный ты - и вовсе худо,
 смелый - бъешься ты с судьбой,
 огрызаешься, покуда
 смерть не справится с тобой.

Не всегда душою плох
 тот, на ком плоха одежка.
 Коль у нас одна дорожка,
 знай, в беде не выдаст Крус.
 Раскуси,- на вид лепешка,
 может, я пирог на вкус.

Сам хлебнул, признаюсь, тоже
 я горячего до слез,
 но какой с былого спрос?
 Не трусливый, не убогий,
 уж не в первый раз я ноги
 от погибели унес.

Вывернулся, жив - и ладно,
 грусть-тоску гоню я прочь.
 Вот до водки я охоч,
 как обжора толстопузый
 до печеной кукурузы:
 мне без выпивки - невмочь.

Я не поддаюсь печали,
 радуюсь, что я живой;
 коль озноб трясет зимой,
 солнышко пригреет летом.
 Если ад на свете этом,
 не спасешься, ной не ной.

Плачь ли, смеяся, будет так,
 как судьба распорядится.
 Уж на что хитра лисица,
 да не век душить курей,
 ведь придет пора и ей
 с рыжей шкурой рас проститься.

Верно, что бедой да горем
 начинен у нас пирог,
 но тужить-то что за прок?
 Разве тем прогонишь горе?
 Человек в житейском море
 как на волнах поплавок.

Смерть встречалась мне не раз,
только я ей не миролю,
не ропщу на злую долю.
Ежели ты духом слаб -
смерть не выпустит из лап,
крепок - вырвешься на волю.

Не изгладится вовеки
след пережитых невзгод.
Есть и у меня свой счет,
перенес обид немало.
Что ж! Былое миновало,
завтра новый день придет.

Не бесчувственный я тоже,
не какой-нибудь бирюк;
жил я счастливо сам-друг,
предан был своей голубке,
был пришит я к женской юбке
крепче пуговицы, друг.

На любовную дорогу
каждая тропа ведет,
кто же мимо тут пройдет?
Гаучо под рокот струнnyй
ясным утром, ночью лунной
 песни о любви поет.

Есть ли человек на свете,
чтоб без ласки жизнь прожил?
Коль устал ты, приуныл,
но тебя подруга любит -
пожалеет, приголубит,-
и опять ты полон сил.

Обоймет тебя жена,
и рассеялись, пропали
твои горести-печали:
ты - любимый, нужды нет,
что ни юбки ей, ни шали
не дарил уж сколько лет.

Со своей женой изведал

я такую благодать:
жили мы ни дать ни взять
парой мух у миски с медом.
Да, приятель! Год за годом
шли счастливо: тишина да гладь.

"Ты орлица, что взмывает
выше гордых облаков,
ты нежнее алой зорьки,
предвешающей восход,
ты цветок благоуханный,
что в саду моем расцвел".

Ну, откуда ждать мне худа?
Только с некоторых пор
зачастил ко мне майор,
ополченский наш начальник.
Вижу, неспроста, охальник,
подъезжает. Ох, хитер!

Звал меня своим он другом.
Кто я был? Простолюдин.
Так с чего бы важный чин
с пылкой дружбой набивался?
Ровно клещ, он присосался
к ранчу Круса, вражий сын!

Скоро удалось ему
завести с бабенкой шашни.
И пропал мой мир домашний.
Начал мною с тех времен
помыкать мой друг вчерашний,
будто я его пеон.

Словно был я вестовым,
он давал мне порученья:
то пошлет меня в селенье,
то в эстансию²⁸, то в форт.
Сам же к службе, старый черт,
не выказывал он рвенья.

Тягость жизни легче вдвое,

²⁸ ...Эстансия - скотоводческое поместье.

коль нести ее вдвоем;
но подумаешь о том,
что чужак подругу сманил,
и тебе обидно станет:
лучше б жил холостяком.

Перед курочкой моей
кукарекал этот кочет.
Вижу я, меня морочат,
и домой нежданно - шасть!
Так и есть: с ней лясы точит
и милуется он всласть.

И хорош он был, ну как
необлизанный теленок.
Я сказал: "Ты до бабенок,
видно, здорово охоч,
только хватит ли силенок,
может быть, тебе помочь?"

Он за саблю - ой, проткнет,
словно вертелом дичину!
Глянул я на дурачину
и сказал: "Тебе, видать,
с женщиной не совладать!
Что ж ты лезешь на мужчину?"

Ткнул он саблей, но ее
крепко я зажал под мышку;
мыслю: не хватить бы лишку,
как бы мне, себя срамя,
не угробить старичишку.
И вполсильы дал - плашмя.

У начальства в холуях
не бывает недостатка -
был денщик с ним для порядка.
Шум услышал паренек
и, ощерясь, как щенок,
кинулся сюда, где схватка.

Он в меня из леварвера
выпалил почти в упор,

думал, кончен разговор;
но ошибся он в расчете:
пуля хоть быстра в полете,
да и я, брат, тоже скор.

Малый продолжал палить,
я - увертываться; пули
только воздух жиганули,
я же - цел и невредим.
Мне ли тут конец, ему ли?
Раз - и я покончил с ним.

Тут вокруг я огляделся:
где же он, соперник мой,
стариашка удалой?
Я обшарил всю лачугу
и нашел-таки: с испугу
он залез в мешок с золой.

Что в мешок,- влезть можно в петлю
от любви, как говорят.
Только тут... пришлось мне, брат,
нос и рот прикрыть ладонью:
ну и вонь! Кабацкий смрад
был ничто пред этой вонью.

Я сказал: "Вали отсюда!
Пусть прраббка сатаны
отскоблит тебе штаны".
Я чихнул подряд раз десять...
Взять бы всех вас да повесить,
старые потаскуны!
Коль ослица да вздурится,
на убой ее пора:
знать, в работе не спора;
если с женщиной случится,
что вздурится, как ослица,-
от нее не жди добра.

На свое родное ранчо
бросил я последний взгляд
и пустился наугад:
пусть остался бесприютный,

но к бабенке той распутной
я уж не вернусь назад.

Знаю, все они такие,
ничего от них не жду.
Чтоб, да на свою беду,
сызнова дался им в руки?
К женщине да к щенной суке
близко я не подойду.

Песнь одиннадцатая

Многих я слыхал певцов,
что легко стихи слагали,
песни их ручьем журчали.
Я ж не записной певец
и куплеты как овец
выгоняю из коррала.

Первую-то из загона
вытолкнуть - тяжелый труд,
а за нею как попрут
некончаемым потоком,
так иной раз ненароком
и ворота разнесут.

Неученым нелегко
слово нужное дается,
но бывает - запоется:
я сложу один куплет,
и уже другой вослед
из груди на волю рвется.

Коль согласен ты послушать,
дальше я тебе спою,
в песне горе изолью,
горя в нашей жизни хватит:
гаучо ведь кровью платит
за бесхитростность свою.

Избегать я стал людей,
прятался, боясь подвоха,
в зарослях чертополоха,

вроде как бродячий зверь.
Знаю хорошо теперь:
без норы и зверю плохо.

И сказал себе тогда я:
"На прошедшем крест клади,
счастье, радость - позади".
От такой надсадной боли
вроде задубело, что ли,
сердце у меня в груди.

Как теленок, что в ненастье
потерял родную мать,
я не знал, куда пристать.
Слышу раз - мол, в пульперии
соберутся поплясать.
Я - туда. Не ждал беды я.

Только званье - пульперия²⁹:
так, конурка - срамота.
Вот была там теснота!
Люди что в початке зерна.
Разве может быть просторно,
где гуляет беднота?

Я сплясать не прочь, но тут
танцы были мне не сладки:
в сапогах, вишь, были складки,
и натер я пузыри,
вовсе, черт их подери,
не могу ступить на пятки.

Я гляжу. Сплясали гато³⁰,
фандангильо³¹ вслед за тем.
Не знаком я был ни с кем,
смирно в стороне держался.
Да нечистый вдруг вмешался,
праздник загубил совсем.

²⁹ ...Пульперия - сельская лавка и одновременно таверна, где певцы-паядоры демонстрировали свое мастерство.

³⁰ ...Гато - креольский парный танец-пантомима, сопровождающийся шутливыми куплетами.

³¹ ...Фандангильо (фанданго) - распространенный среди креолов испанский танец стиля фламенко.

Вышло так, что приглашенный
на танцульку гитарист
был занозист да форсист;
я ж, хотя не забияка,
на дыбы встаю, однако,
ежели почую хлыст.

Перикон³² был третий танец,
тут и я не усидел.
Гитарист же - он, пострел,
знать, со мной встречался где-то
ухмыльнулся и пропел
мне в насмешку два куплета:

"Все женщины коварны,
не доверяй им, друг!
Ах, женщины коварны,
изловят птичку вдруг,
покуда не ощиплют,
не выпустят из рук.

У гаучо-бедняги
неважные дела.
Ах, женщина беднягу
вкруг пальца обвела.
Он выиграть надеялся,
а все продул дотла".

Зашушукались девчонки.
Я вскинул: "Эй ты, облом!
Петь-то пой, да знай о чем".
И, охвачен злостью ярой,
по струнам его гитары
с маху полоснул ножом.

Тут гляжу я: стражник-гринго,
да с ружьишком. Сгоряча,
не поняв без толмача,
вдруг пристрелит по оплошке?
Сдернул пончо я с плеча
и махнул по сальной плошке.

³² ...Перикон - популярный в XIX в. многофигурный танец, восходящий к европейскому контрдансу; сопровождался стихотворными куплетами.

В два прыжка я был у двери,
в кулаке зажавши нож,
и с порога им: "Не трожь!
Кто полезет - кончит плохо".
Поднялась тут суматоха -
бабы взвизги и галдеж.

Первым подскочил ко мне
гитарист. Ну, что же, ладно.
Был я выпивши изрядно,
да не слаб я и хмельной,-
насмехаться надо мной
впредь, мол, будет неповадно.

Задирать людей уж больше
он не станет, зубоскал.
Он, видать, потехи ждал,
а ему не смех, а слезы:
я, хотя и нетверзый,
вмиг обидчика прижал.

Женщины засутились,
как ему вспорол я бок,
только хлопоты - не впрок,
чистая была работа:
струн наделать мог без счета
он из собственных кишок.

Я, вскочивши на коня,
вихрем полетел оттоле.
Коль в бегах ты, поневоле
долюшка твоя тяжка:
век кочуешь в чистом поле,
словно в небе облака.

Ведь судьбу не переспоришь
подчиняйся, рад не рад;
разум, опыт нам велят
потихоньку жить, без форса:
бычью шкуру против ворса
не раскраивают, брат.

Темных гаучо безвинно
гонят, травят, как зверюг;
выслушать нас - недосуг,
жаловаться мы не смеем.
А сеньорам, богатеям,
все злодейства сходят с рук.

Песнь двенадцатая

Подобралась нас ватага
бесприютных горемык;
время шло, уж я привык
прятаться в норе звериной,
голод утолять кониной...
Гнет нас жизнь на свой салтык.

Что тут долго толковать.
Жизнь! Да будь она неладна!
Век свой горько да нескладно
топчешь ты земную твердь
вплоть до дня, когда нещадно
освежает тебя смерть.

Но окончились (конец ведь
есть у всякой колеи)
те скитания мои.
Получил я извещенье:
старый друг один прощенье
схлопотал мне у судьи.

Я в ответ: а что же делать
стану я в родных краях?
Там безлюдье: кто в бегах,
кто вербовщикам попался,
кто уже отвоевался
и земле свой отдал прах.

Но меня к себе однажды
вытребовал сам судья.
Коли завербуюсь я
в полицейскую, мол, стражу,
верной службою загляжу
грех разбойного житья.

Уговаривал: у нас, мол,
храбрецам таким почет.
Ты, мол, честный патриот;
дескать, числиться отныне
буду я в сержантском чине
и отряд он мне дает.

Нацепил я саблю; дали
под начало мне отряд.
Да на кой мне это ляд?
Чтоб гоняться ночью темной
вслед за беднотой бездомной?!
Не по мне все это, брат...

Знаешь ты теперь, кто я.
Так доверься мне, дружище.
Будь у нас врагов хоть тыща,
что с того - ведь мы вдвоем!
Вместе мы себе найдем
потайное становище.

И не сыщет нас с тобой
человеческая злоба.
Беглецы теперь мы оба,
кони и еда - все тут,
на ночь же нам даст приют
тростниковая чащоба.

Если же свою одежду
в лоскуты истреплем мы,
шкуру попрошу взаймы
я у волка-переярка,
в этом пончо будет жарко
даже и среди зимы.

Не стараюсь я оттяпать
кус от жизни пожирней:
мне что шея, что филей.
На чужое я не падкий
и не чваный,- я с лошадки
слезу у любых дверей.

Колеси, беглец, покуда
ты конец свой не нашел.
Бедняка от бед и зол
может только смерть избавить.
Эх! Когда-то будет править
сам своей землей креол?

А у нынешних у наших
заправил мы не в чести,
нас они в своей горсти
жмут до кровяного пота,
им давно уже охота
нас под корень извести.

Ты бы слышал, как начальство
судит-рядит вкривь и вкось.
Мне однажды довелось:
мой судья с другим чинушей
толковали. Вот послушай,
диву дашься ты небось.

Речь они вели о том,
как на землях им нажиться:
дескать, много вдоль границы
есть еще "ничьих" земель;
а людей, что там досель
лили кровь, согнать с землицы.

Тут, мол, проложить железку,
там поселок основать,
гриingo для работ нанять.
А ведь это все - деньжищи!
Чтоб собрать такие тыщи,
надо с нас семь шкур содрать...

Только ежели пойдут
так дела, как шли доныне,
не останется в помине
вовсе тут живых людей:
станет весь наш край пустыней,
белой от людских костей.

Не дает судьба-злодейка

передышки ни на миг,
век свой, как в упряжке бык,
ты выкладываешь силы:
глянешь, - кроме как могилы,
ничего ты не достиг.

Городские горлопаны
уверяли сколько раз,
что болеют-де за нас,
не прими тех слов на веру:
голосят, как терутеру³³,
только для отвода глаз.

Я не ставлю ни во что
эту подлую ораву.
Мне их вопли не по нраву.
Стоном стонет бедный люд,
а они ему дают
не лекарство, а отраву.

Песнь тринадцатая

Мартин Фьерро

Вижу, мы с тобой, приятель,
щепки с одного бревна,
и дорога нам одна:
наш родимый край покинуть,
от своих к индейцам двинуть.
Вместе уж хлебнем до дна.

Пусть господь меня простит:
ежели уж так мне круто,
что искать себе приюта
я у нехристей пошел,
буду я со злыми - зол,
мстить врагам я стану люто.

Бог, создав цветы земные,
одарил их красотой,
их веселой пестротой
расцветил он чисто поле;

³³ ...Терутеру - осторожная степная птица, похожая па аиста.

человеку ж дал поболе:
наделил его душой.

Землю населив зверями,
дал творец живую плоть
всем - от ягуара вплоть
до ничтожнейших козявок;
человеку же вдобавок
разум подарил господь.

Возлюбил создатель птиц,
дал он им способность к пению,
в радужное оперенье
пожелал он их облечь;
человеку ж во владенье
дал он дар ценнейший - речь.

Зверю бог дал лютость, чтобы
враг не мог его известить,
но у человека есть
дар надежный, дар давнишний:
человеку дал всеявышний
для его защиты - честь.

Коли наделил господь
столькими людей дарами -
может статься, квит он с нами?
Верно, он смекает так:
сколько зол вам - столько благ,
далъше уж справляйтесь сами.

Больше я терпеть не стану.
Наша жизнь - кромешный ад,
так бояться ли нам, брат,
скудной простоты индейской?
Там зато уж полицейский
нас не сцепает отряд!

Слышно, ихние вожди
наших беглых привечают,
братьями их величают.
Отряхнем-ка здешний прах.
Надоел мне вечный страх:

сыщут, окружат, поймают...

Трудный это путь, опасный,
да меня не испугать:
мне путей не выбирать,
подчиняюсь я судьбине.
А заблудимся в пустыне -
двум смертям ведь не бывать.

У индейцев, может статься,
живы будем, здесь - навряд.
Надо ехать на закат,
напрямик, не размышляя;
вольного достигнем края,
там и поразмыслим, брат.

Гаучо хоть пусть ослепнет,
а до цели добредет,
не впрямую, так в обход.
Травы он рукою тронет -
на закат их ветер клонит -
и дорогу вмиг поймет.

Впереди - пустыня, край
вроде богом позабытый,
но небось мы будем сыты:
всякой дичи там найду,-
есть олени, и ньянду,
и матако, и мулиты³⁴.

Женщины и то, случалось,
проходили этот путь,
так и мы уж как-нибудь...
Я промыслю нам дичину:
ежели шары я кину,
страусу не улизнуть.

Не погибнем и от жажды:
гаучо терпеть привык.
Я чутьем найду родник,
а не выйдет так напиться,
близко под землей водица

³⁴ ...Матако, мулита - разновидность броненосцев.

в месте, где растет тростник.

Как пустыню перейдем,
в безопасности мы будем,
горести свои забудем.
Лишь завидим шалаши,
камень свалится с души:
не к зверям пришли, а к людям.

И себе из шкур из конских,
по обычаям степным,
шалаши мы смастерим -
кухня с горницею вместе;
ну, а там и по невесте
для себя мы приглядим.

Труд там дело не мужское,
будем жить как господа.
Разве только иногда
вдруг в набег умчится племя;
нет войны - лежи тогда,
коротай в тенечке время.

Тут несчастье по пятам
будет век за нами гнаться;
у индейцев, может статься,
счастье улыбнется нам.
То же солнце светит там,
что ж за землю-то держаться?

Если и шары и лассо
ты пустить умеешь в ход,
если сутки напролет
без седла скакать ты сдюжишь,
у индейцев ты заслужишь
уваженье и почет.

Новые мы сложим песни
в чужедальной стороне
о любви и о войне,
и добычей, взятой с бою,
разживемся мы с тобою;
здесь же все постыло мне.

Смолк певец. Потом из фляги
добрый он глоток отпил
и швырнул что было сил
оземь верную гитару³⁵
так, что с одного удара
вдребезги ее разбил.

И сказал: "Тебя, гитара,
не оставлю никому
и с собою не возьму:
вся исплакалась ты, вторя
заунывным песням горя,
вторя плачу моему".

Тут бы и окончить повесть
мне о гаучо моем,
но подумал я о том,
что читатель ненасытный,
как бабенка, любопытный,
спросит: "Ну, а что потом?"

Крус и Фьерро, заарканив
нескольких чужих коней,
двинулись в простор степей,
к рубежу родной землицы;
а добравшись до границы,
придержали лошадей.

На дымок они взглянули,
что курчавился вдали,-
теплый дым родной земли.
Чем-то встретит их чужбина?
Тихо по щекам Мартина
две слезинки проползли.

И в пустыню тут друзья
поскакали без оглядки.
То ли их в случайной схватке
смерть настигла, то ли нет,

³⁵ ...и швырнул, что было сил, оземь верную гитару... - Паядор разбивает свой инструмент, будучи побежденным в состязании или желая показать, что он достиг высшей степени совершенства, недоступной для других певцов.

и отыщется ль их след -
время разрешит загадки.

Вот и все. Не обижайтесь,
что печален мой рассказ:
это - правда без прикрас.
Не приврал ни на полушку:
в горе горьком по макушку
каждый гаучо погряз.

Пусть господь ему поможет.
Я кончу. Приустал.
Не ища себе похвал,
спел про беды и печали,
о которых все мы знали,
да никто не рассказал.

Часть вторая. Возвращение Мартина Фьерро.

В переводе вторая часть поэмы дается в сокращенном виде.
В первых десяти песнях повествуется о жизни Мартина Фьерро и Круса у
индейцев, о смерти Круса и о возвращении Мартина на родину.

Песнь одиннадцатая

Рассказать теперь позвольте,
как сыскал я сыновей.

Я к родным местам вернулся,
все кружил, хотел разведать,
что да как; но слишком много
с той поры годов уплыло.
Жизнь у нас, как я увидел,
к лучшему не изменилась,
потому я был опаслив,
словно зверь с подбитой лапой;
каюсь, не было охоты
снова попадать в ловушку.
Всем вам ведомо, сеньоры,-
ежели бедняк с властями
тяжбу завести посмеет,

то ему платить издержки.
 Но однажды повстречался
 со своим я старым другом,
 он порассказал о многом;
 перво-наперво сказал он,
 что давно лежит в могиле
 тот судья, мой злой обидчик,
 тот, по чьей вине страдаю
 вот уж целых десять лет я,
 а ведь десять лет не шутка,
 если человек немолод.
 Так провел я эти годы
 (коли в счете не ошибся):
 был три года на границе,
 в беглых числился два года,
 пять томился у индейцев,-
 вот и вышло десять лет.

Старый друг сказал еще мне,
 чтобы я не опасался:
 власти, мол, с меня не спросят
 за провинности былые.
 Мол, никто уже не будет
 поминать о смерти негра:
 я его убил, однако
 не был ведь и он безгрешным.
 Правда, я погорячился,
 через край хватил я, каюсь,
 но за нож он первый взялся,
 первый он меня ударил,
 мне ножом лицо порезал,-
 не ответить я не мог.

Тот же друг меня уверил,
 что никто не вспоминает
 и про стычку в пульперии,
 где вспорол живот я парню.
 Он меня на ссору вызвал,
 не было вины за мною;
 он со мной затеял драку,
 он меня и уложил бы,
 кабы не был я ловчее,
 кабы малость я промедлил;

он один был виноватый,
ненароком я убил.

Друг меня уверил твердо,
что не станут поминать мне
и про ту ночную схватку
с посланным за мной отрядом.
Был в своем я полном праве:
мог ли я не защищаться,
коли вдруг напали скопом,
темной ночью в чистом поле,
коли, обложив, как зверя,
и оружьем угрожая,
не давали молвить слова,
лишь вопили и страшали,
что расправятся со мною,
как с разбойником отпетым;
да не офицер грозился,-
 рядовой какой-то стражник.
Думаю,- не подобает,
чтоб с людьми так обходились,
ни с невинными, ни с теми,
кто и вправду виноват.

Эти новости услышав,
очень я приободрился:
жить не хоронясь могу я,
жить, как все другие люди.
А вот нынче довелось мне
двух моих сынов увидеть,-
возношу за эту радость
я благодаренъя небу.
С кем бы ни вступал в беседу,
задавал о них вопросы,
но никто не мог сказать мне,
где они, что с ними сталося.
А недавно я проведал,
что большие будут скачки
и что съедутся на праздник
гаучо со всей округи.
Хоть заклад мне ставить нечем,
но и я, как все, поехал.

В этом скопище приезжих
и таких нашлось немало,
кто слыхал о злоключеньях
гаучо Мартина Фьерро.
Там, при скакунах хозяйствских,
были и мои два сына.
И, мое услышав имя,
бросились ко мне тотчас же.
А иначе-то, по виду,
им меня и не узнать бы:
объиндеился совсем я,
постарел к тому ж изрядно.
Но рассказ о поцелуях,
радостных слезах, обятьях
женщинам я оставляю,
это уж по ихней части.
А мужчина умудренный,
знающий, почем фунт лиха,
на людях поет и пляшет,
плачут и целует втайне.
Сыновья мне рассказали,
что жена моя скончалась.
Как родить пришло ей время,
подалась бедняжка в город,
а уж там, само собою,
горя досыта хлебнула.
Родила она в больнице
и, промаявшись недолго
в том вместилище страданий,
там и смерть свою нашла.

Я клянусь вам, что вовеки
в той потере не утешусь,
много слез с тех пор я пролил,
как узнал, что с нею сталося.
Но довольно о печальном,
хоть невесело на сердце.
Вижу я, свою гитару
старший мой уже настроил;
что ж, послушаем и скажем,
знает ли он в этом толк.

Вы их видите впервые,

ну, а я на них надеюсь,-
вовсе не затем, что оба
сыновья мне (эка важность!),
по затем, что с малолетства
много выпало им горя.
Оба рвутся вас уважить,
так начать позвольте скачку,-
пусть покажут жеребята,
что на них мое тавро.

Песнь двенадцатая

Старший сын Мартина Фьерро

ТЮРЬМА

Каково,- как говорится,-
дерево, таков и плод;
только пусть честной народ
мне простит, коль оплошаю:
до отца, и сам я знаю,
сын вовек не досягнет.

Сызмала у нас - ни крова,
чтоб от бури нам укрыться,
ни куска, чтоб прокормиться,
ни огня, чтоб отогреться,
ни рубашки, чтоб одеться,
и ни пончо, чтоб накрыться!

Счастлив, кто в родном дому
рос обласканный и сытый,
в теплом гнездышке укрытый
ото всех житейских бед.
Худо тем, кто с малых лет -
без опоры, без защиты.

Коль судьба тебя невзлюбит,
только подставляй бока,-
длинная у ней рука.
Что ни сделаешь - все к худу,
гонят, гонят отовсюду,
как паршивого телка.

Словно зверь, одним ты занят:
ищешь ты еду и кров;
всякий пнуть тебя готов,
как какого-нибудь гада,
нет в сиротской жизни лада,
ты - гитара без колков.

Ни родителей, ни дома,
ни одной души родной,
ты сам-друг с твоей тоской,
что грызет тебя и точит;
раз ты сирота,- кто хочет,
может помыкать тобой.

Каждый рад поиздеваться:
кто со зла намнет бока,
кто "для смеху" даст пинка,
кто "шутя" хлыстом ошпарит...
А никто ведь не подарит
и дырявого мешка.

Если и найдут на службу,
то не жди для сироты
жалости и доброты.
Денег дать, одежду? Нет уж!
Так, швырнут иной раз ветошь
для прикрытия наготы.

Кое-как своим трудом
добывал я пропитанье.
Голод, нищета, скитанья -
вот удел мой с малых лет;
взрослым стал - для новых бед,
новые узнал страданья.

В этой школе брал уроки
и не год я и не два.
Слушайте мои слова -
столько мною пережито!
Жизнь пригубивши едва,
горестей хлебнул досыта.

Ежели грехи какие
числились когда за мной,-
темнота тому виной.
Время шло. Я вроде начал
жить сытней - в тот год батрачил
на эстансии одной.

Но бедняк всегда в ответе
перед теми, кто силен.
Как-то был убит пеон
у соседнего сеньора.
Розыск быстро шел и споро:
тут же я был обвинен.

Люди добрые, легко ли
вынести подобный срам?
Стыдно, думаю, и вам
слушать про дела такие.
Был причислен без вины я
к душегубам и ворам.

И еще двоих схватили.
Как решить - кто виноват?
Но судья у нас был хват,
нас обмерил острым взглядом:
"Что ж, с разбойниками рядом
сам спаситель был распят.

Всех троих,- нам объявил он,-
в окружной отправлю суд".
Приговор и впрямь был крут,
правда, мы еще вначале
ничегошеньки не знали
о мытарствах, что нас ждут.

В "окружном" для вновь прибывших
пышный был готов прием:
зарещеченный проем
в толстой стенке каземата.
Звался он "острог" когда-то,
"Исправительный" стал "дом".

"Исправительный"? За что ж

получило это зданье
новое теперь названье?
Уж назвали б "Горький дом",
потому что в доме том
вдоволь горя и страданья.

Что ж, креол, терпи, сзыкайся,
коль не повезло тебе,
покорись своей судьбе;
грingo - тот уж исхитрится,
он убьет и притворится,
будто был он не в себе.

Потянулся день за днем
в этой каменной могиле,-
заперли, да и забыли.
Коль снаружи не толкнут,-
поспешать не станет суд.
Дело спит под слоем пыли.

Посидишь вот так, без срока,
словно бы живой мертвец,
и отчаешься вконец.
Если даже был ты прежде
забубённый удалец,-
скажешь тут прости надежде.

Строгости сильнее там,
где закон составлен скверно.
Наш закон писала, верно,
душегубская рука:
будь вина и впрямь тяжка,-
наказанье непомерно.

Тут согнешься,- хоть герой ты,
хоть отъявленный злодей,
слыша только звон ключей,
видя лишь тюремных стражей,
что бесчувственнее даже
камня камеры твоей.

Тяжелей всех наказаний
наказанье тишиной,-

впору биться головой
в стены каменные эти;
все один ты - иль на свете
нет другой души живой?

Будь ты молодцом бывалым,
будь бесстрашным драчуном,
а, попавши в этот дом,
долго там не похрабришься,
сникнешь, коли потомишься
с совестью своей вдвоем.

Нет быков в коррале этом,
там встречаешь лишь ягнят,
все трясутся и молчат,
в страхе навостряя уши.
Гнет в дугу людские души
беспощадный каземат.

Может статься, что не зря
я про жизнь свою кривую
добрым людям повествую:
обошла коль вас беда,
так не вредно иногда
про беду узнать чужую.

Матери! Своих сынов
вы вскормили для того ли?
Иль для каторжной неволи
вы рожали их на свет?
Знайте же, что доли нет
горше арестантской доли.

Женщины, мужьям скажите:
для живых страшней всего
этот дом, где все мертвое.
Адову там терпят муку,
одному внимая звуку -
стуку сердца своего.

Нет там солнца - день не светел,
ночь без звезд вдвойне темна;
и какая бы вина

впрямь не числилась за вами,
там вы горькими слезами
смоете свой грех сполна.

Слышишь в тишине тюремной
только стук в своей груди
(всем вам бог не приведи
жить неделями без слова):
и в чистилище, поди,
нет безмолвия такого.

Счет ведя часам унылым,
некончаемым часам,
ты отягощаешь сам
это тягостное бремя;
там отсчитывают время
лишь по вздохам да слезам.

Будь ты храбрым, будь ты сильным,-
не за месяц, так за год
тишина тебя проймет.
Если вдруг шаги услышишь,-
притаишься и не дышишь:
может, смерть к тебе идет?

Мучится душа, и что-то
новое рождается в ней:
ты о жизни о своей
думать больше начинаешь,
сам себе ты обещаешь,
коль отпустят,- жить честней.

Вспоминаешь все былое,
близких вспоминаешь, мать...
Это надообно понять:
будь беспамятным ты сроду,
там, утративши свободу,
выучишься вспоминать.

Кто с рожденья своего
вольным был, как ветер в поле,
 тот не свыкнется с неволей,
жить не сможет под замком.

Не умел я ни почем
притерпеться к этой боли.

И порой (ведь в тесной клетке
все страшней день ото дня)
вырывался у меня
громкий стон: "Кабы дождаться,-
сесть бы снова на коня,
в пампу снова бы умчаться!"

Но за крик наденут цепи!
Карцер тоже есть в тюрьме:
настоишься в полной тьме,
скован с балкою железной.
"Забуянил, друг любезный?
Да в своем ли ты уме?"

Сколько есть печалей в мире,-
арестанту все близки.
Скорбь берет его в тиски,
сердце рвет ему на части:
не встречается злосчастье
без своей сестры - тоски.

Хоть умойся ты слезами,
а не сладишь с этой злой,
с этой въедливой тоской.
В одиночестве коснея,
видишь ты еще яснее,
как ты обделен судьбой.

Не проникнет из-за степ
ни единий звук утешный.
Парень и взаправду грешный,
потерявший страх и стыд,
как попал в тот ад кромешный,-
стонет, плачет и молчит.

Лезешь на стену сперва,
сердцу впору бы разбиться!..
Но берет свое темница:
гнев сменяется тоской...
Может, я б нашел покой,

если бы умел молиться.

Знал бы хоть одну молитву,-
к богу бы вознес мольбу.
В этом каменном гробу
всеми ты забыт, ты - лишний,
не услышит и всевышний,
как ты ропщешь на судьбу.

Месяца два-три всего лишь
в заключенье посидел,
а уже я поседел,
вся моя иссякла сила.
И уж так мне горько было,
что молиться не умел.

Я от ярости сначала
был как бешеный - точь-в-точь!
Скоро стало мне невмочь,-
крепко въелась в грудь тоска мне,
и кропил немые камни
я слезами день и ночь.

Хоть нечасто, к арестантам
(ради праздничного дня)
допускается родня.
Горше я страдал в дни эти:
близкой не было на свете
ни души ведь у меня.

Господи, благослови
тех тюремщиков, в ком малость
милосердия осталось!
Но почти что нет таких:
строго взыскивают с них,
коль они проявят жалость.

Маешься и днем и ночью
в той могильной тишине
сам с собой наедине,
а заснешь на час короткий,-
лишь засовы да решетки
видятся тебе во сне.

Разговаривать - нельзя,
петь - нельзя (ведь узник в пенье
мог бы черпать утешенье),
мате и в помине нет
и (вот зверство-то!) запрет
там строжайший на куренье.

Эти правила придумал
не законник, а элодей!
Любо им терзать людей
и смотреть на их страданья.
Но всего там тяжелей
это вечное молчанье.

И с тюремною решеткой
ты поговорить бы рад,-
вспомнить, как слова звучат,
только не забудь при этом,
что слова тут под запретом,
а строптивых не щадят.

Все молчишь, молчишь, и - глядь!
тварью стал ты бессловесной;
человека ж, как известно,
отличает от зверей
речь,- по милости своей
дал нам речь отец небесный.

Но тебя лишают речи,
если ты попал в тюрьму.
Кто ответит - почему?
Коль от бога нам дар слова,
то карать нас так сурово -
только Богу одному.

Изо всех даров господних
(хоть, в невежестве своем,
я с немногими знаком,
но их все ценю и славлю)
речь на первом месте ставлю,
дружбу ставлю на втором.

Знаю, пишется закон,
чтоб злодеям неповадно
было зло творить,- ну, ладно!
Но закон не в меру строг,
если то, что дал нам бог,
отнимает беспощадно.

В одиночестве тоскуя,
одурев от тишины,
виноват иль без вины
(а невинным вдвое хуже),
удивляешься - кому же
эти строгости нужны?

Будь с тобой товарищ,- мог бы
в нем поддержку ты найти.
Коль один ты взаперти,-
мыслишь днями и ночами:
"Кроме как вперед ногами,
на свободу не уйти!"

В книжках для себя нашел бы
утешенье грамотей,
ну, а я, по простоте,
утешеньем жил единственным:
был Христос господним сыном,
а страдал ведь на кресте.
И слова простые эти
освещали мне мое
беспросветное житье,
хоть и было нелегко мне.
О чужих страданьях помня,
легче сносишь ты свое.

Пусть же западет вам в души
этот горький мой рассказ.
И не то чтобы у нас
зверем был начальник главный, -
он служака был исправный,
честно выполнял приказ.

И тюремщики не злые,-
все равнялись по нему;
все же угодить в тюрьму,
если бы святыми даже
были тамошние стражи,
не желаю никому.

О своих страданьях тяжких
я тут рассказал, как мог,
и других предостерег.
Если, сохрани вас боже,
не запомните урок,
вам страдать придется тоже.

Берегитесь, чтоб тюремных
не видать вовек ворот.
А для этого вперед
надо смирно жить и честно:
береженого, известно,
и господь убережет.

Люди добрые, простите,
коли сделалось грустней
вам от повести моей.
Тем, кто, хоть на срок короткий,
видел мир из-за решетки,
век не позабыть о ней.

Песнь тринадцатая

Второй сын Мартина Фьерро

О себе вам расскажу я
все по правде, напрямик,
врать я людям не привык,
и хотя стыжусь иного,
выкинуть из песни слова
не посмеет мой язык.

Сиротами мы остались
и скитались десять лет;
почитай весь белый свет

исходили как бродяги,
были голодны и наги,
натерпелись многих бед.

Нет отца - семья пропала,
жизнь пошла и вкривь и вкось.
Ведь сиротский пай небось
лишь обедки да ошметки.
Ежели разрезать четки,
то известно - бусы врозь!

Только вдруг (уж я тогда
горя вытерпел немало)
тетка матери признала
о лихой моей судьбе
и взяла меня к себе.
Перемена мне настала.

Было все теперь в достатке:
и одежда и еда.
Я, отвыкнув от труда,
жил привольно и беспечно.
Но ведь счастье никогда
не бывает долговечно.

Бабка впрямь меня любила,
избавляла от забот:
пусть, мол, парень отдохнет,
настрадался с малолетства.
Говорила, что в наследство
мне оставит дом и скот.

Умерла. Судья приехал.
"У тебя, мол, сирота,
будет, как войдешь в лета,
кроме этой вот хибары,
стадо крупного скота
и овечьих две отары.

После совершеннолетья
все получишь ты сполна,
что оставила она,-
ты небось не будешь нищим.

А покуда мы приищем
для тебя опекуна".

Видно было, что знаток
всех законов он и правил:
опись он стадам составил,
управляющего взял
и, поскольку был я мал,
он меня ни с чем оставил.

Под гору тут покатилось
славное житье-бытье.
Пончо новое мое
вскоре стало, словно сито;
платье бабкой было сшито,-
износилось все в тряпье.

Долго жил я так, а сколько
и сказать вам не могу.
Но судья все ни гугу.
К ласке бабушкой приучен
и к родному очагу,
вновь нуждой я был замучен.

Шла неделя за неделей,
месяцы все шли и шли...
Словно рыба на мели,
сохнул я в тоске-печали.
Наконец за мной прислали:
мол, опекуна нашли.

Песнь четырнадцатая

Взял меня старик в опеку.
Но прошел недолгий срок,
и уж распознать я мог,
что зловредный он хапуга,
и за то ему округа
прозвище дала: "Хорек".

Чем он так прельстил судью,
догадался без труда я,
но, в причины не вникая,

их оставим в стороне:
соль не в них - в опекуне.
Шла о нем молва худая.

Был он хитрый, как лисица,
и напористый, как бык.
Спешившись, хромал стариk, -
лапы как у попугая:
ездить без стремян привык,
палец в петлю продевая³⁶.

От него вовек о людях
не слыхал я добрых слов,
но зато с десяток псов
завсегда при нем бывало,
он кормил их до отвала:
резал им чужих коров.

Ночью резал скот и, бросив
внутренности и костяк,
вез кормежку для собак,-
вволю было каждой шавке;
а за шкуру брал он в лавке
мате, водку и табак.

Как никто, мой старикашка
знал торговый оборот!
Воровал чужой он скот,
верно, не без уговора
с лавочником: ведь и тот
прибыль получал от вора.

Где народ ни собирается,-
например, овец стригут,-
он уж первый тут как тут:
жрет и пьет на даровщинку,
да еще и стащит, плут,
ножницы или овчинку.

Пожалел я раз ягненка.

³⁶ ...ездить без стремян, привык,// палец в петлю продевая.- Чтобы прочнее держаться в седле, гаучо прихватывал стремя или заменившую его ременную петлю пальцами ног; сапоги гаучо в носке обычно имели отверстия.

Слабость увидав такую,
взял плетеную он сбrouю
и отдул меня сплеча
(а потом уж, сгоряча,
сбrouю прихватил чужую).

Ну постой, подумал я,
уж когда-нибудь на краже
попадешься, сын ты вражий,
будет свет тебе не мил.
Знаем, кто с чужих кобыл
режет волос для продажи.

Притащил ему однажды
я убитого хорька.
Вот забрало старика!
"И названье твари этой
позабудь,- иль, не посетуй,
уж намну тебе бока!"

Видел я, что не на шутку
рассердился старый вор.
Изобьет ведь, живодер!
Не в ладу он, знать, с хорьками.
О хорьках промежду нами
речи не было с тех пор.

Как-то вечером приметил
он кобылий табунок.
Стал валить кобылок с ног
и срезать хвосты на волос.
Вдруг - хозяин. Я - молчок,
подавать не стал я голос.

Мчался в яости хозяин,
в воздухе крутил он плеть,
кабы он успел огреть
старишку продувного,
мне, поди, пришлось бы снова
без опекуна сидеть.

Дон Хорек тут заметался,
но паршивцу повезло,-

он успел вскочить в седло
и такого задал деру,
что и молодому впору.
Цел остался, пронесло.

Не подумайте, сеньоры,
что с тех пор он красть отвык,
нет, не бросил мой старик
воровских своих повадок,
только стал хитрей: лошадок
днем треножил, ночью стриг.

Вот каков был мой наставник,
охранитель юных лет.
Знал о нем любой сосед,
что мошенник он бесчестный
и никчемный дармоед.
Был он сущей язвой местной.

Говорил судья, назначив
мне его опекуном:
"Помни, что найдешь ты в нем
образец для подражанья,
даст тебе он воспитанье
и научит жить трудом".

Как же, научить он мог бы,
этот враль и горлодер,
этот пакостник и вор,
этот прихлебала старый,
кто в округе с давних пор
почитался божьей карой.

Хоть, казалось бы, чужого
много нахватал добра
(красть он начал не вчера),-
было всех бедней в округе
ранчо старика: в лачуге
крыши не было,- дыра.

Там он спал, с ночной "охоты"
возвращаясь на заре.
Я ж всегда спал на дворе.

Что он прятал там от сглазу?
 Ведь не подпускал ни разу
 он меня к своей норе.

Он рукою тороватой
 мне заместо одеял
 лысых две попоны дал.
 Летом - что, зимой вот хуже:
 иногда всю ночь от стужи
 я и глаз-то не смыкал.

В старину, как слышал я,
 был он человек женатый,
 но в сердцах убил лопатой
 молодую,- потому,
 что в тот раз она ему
 подала холодный мате.

Так вдовцом он и остался:
 не сыскалось ни одной
 в пампе женщины шальной,
 чтобы па него польстилась,-
 знали все, что приключилось
 с первою его женой.

Он стонал во сне,- знать, тяжко
 с совестью быть не в ладу;
 перед смертью же, в бреду,
 женщину все видел эту,-
 мол, вопит, зовет к ответу,
 ждет свиданья с ним в аду.

Песнь пятнадцатая

Поутру бывал всегда
 он в дурном расположенье;
 то в зубах (для развлеченья),
 то в ушах он ковырял;
 после, выпив, начинал
 мне читать нравоученья.

Вижу как сейчас,- усевшись,
 добрый отхлебнув глоток,

начинает он урок:
 "Помни - нет приметы проще,-
 к ранчо, где собаки тоши,
 ты не суйся, паренек".

"Только о своей, брат, шкуре
 все хлопочут",- каркал он.
 "Знай, мои слова - закон,
 не пустые тары-бары.
 Отчего так черт умен?
 Оттого, что он, брат,- старый.

Ублажай всегда судью.
 Бели даже, может статься,
 он решит к тебе придаться,
 не вступай с начальством в спор.
 Хорошо, коль есть забор,-
 вдруг приспичит почесаться.

Он, судья,- главарь всей шайки
 и сидит на нас верхом;
 коль взбрыкнешь ты непутем -
 и костей твоих не сыщем:
 не достанет он кнутом,
 так достанет кнутовищем.

Самый дерзкий и строптивый
 и горячий как огонь
 (ни почем его не тронь!)
 присмиреет от невзгоды.
 В засуху и дикий конь
 пьет смиренно из колоды.

Есть жилье - держись его,
 не ищи себе другого;
 дурачина, кто с родного
 места своего ушел.
 Сменит пастище корова -
 будет ей не в срок отел".

Отхлебнув еще изрядно,
 пустомеля и баxвал
 дальше с важностью вещал:

"Знай, всегда тебя дурачат -
баба, если она плачет,
пес, когда он захромал.

Хоть бы мир весь провалился -
я бы ухом не повел,
а вот тронь мой частокол -
сразу ушки на макушке.
Человек - он как осел:
помнит только о кормушке.

Для чужого очага
я не дам свое кресало.
До других мне дела мало.
Свиньи жрут и свой приплод,
а ведь совесть их не имет,-
зной наращивают сало.

Все лисицу уважают,-
мол, добычлива, ловка!
Грех ли сплутовать слегка,
клок урвать добра чужого?
Хорошо жует корова -
вкус хорош у молока.

Лакомый кусок добывши,
молча набивай живот.
Вверх не лезь: прямой расчет
жить укромно, без задору.
Если конь поскакет в гору -
от аркана не уйдет.

Будешь сыт всегда по горло,
коль пойдешь тропой моей,
старикам оно видней,
правильно тебе толкую.
Погляди - и муравей
в торбу не ползет пустую.

Умный о себе хлопочет
и не делится ни с кем,
но завидовать - зачем?
Зависть - лишняя тревога.

Поросят родится много,
а сосков хватает всем.

Знай, искусствников довольно,
что живут чужим горбом;
только мы, брат, пососем
и отвалимся на время,
а вот господа! Их племя
не насытишь ни почем.

Лучше не женись,- свободным
будешь ты от всяких пут.
А надумаешь - уж тут
бойся доверять удаче,
помни: чем седло богаче,
тем скорее украдут.

Правду говоря, по мне -
провались они все, бабы!
Вы, юнцы, конечно, слабы,
но запомни, брат, одно:
сердце женское - оно
холодно, как брюхо жабы".

Насосавшись так, что худо
слушался его язык,
он гнусил: "Я, старый бык,
говорю тебе, бычку:
выйдет спор - будь начеку,
в драке важен первый миг.

Без оружия - ни шагу.
Ежели с тобою нож,
будешь ты для всех хороши,
но умей с ним обходиться:
это, парень, не годится,
если, вынувши, не ткнешь.

Коли ты привык транжириТЬ -
вечно будешь голытьбой.
Со своей не спорь судьбой:
ты ее, брат, не обманешь.
Гладким к старости не станешь,

коли смолоду рябой.

Что бы ни стряслось с тобою,
не печалься, не мудри.
Средство есть, черт подери,
от печали и от стужи:
моюсь я водой снаружи,
водкой моюсь изнутри.

Думаешь, даю советы
просто так, для разговора?
Жить начнешь - оценишь скоро
опытность мою и нюх.
Побеждает тот петух,
у кого стальная шпора".

Повторял свои присловья
уж и этак он и так.
Но глядишь - кувшин иссяк,
а старик, мертвецки пьяный,
падает среди собак
и храпит под их охраной.

Песнь шестнадцатая

Захворал мой старикашка,
что стряслось с ним, не пойму,
только хуже все ему:
слег - и ни на шаг из дома.
Страшно с ним мне одному,
знахарку привел к больному.

Покачала головой,
поглядев ему под мышку.
Тут и я увидел шишку,
да большущую, с кулак.
"Эх, осиротит мальчишку,-
деверь вон какой набряк!"

Говорят, что в каждом стаде
есть паршивая овца.
Песня всем живит сердца,

но иной - все весит, мерит.
Грубый смех прервал певца:
"Деверь ну и неуч! - веред".

А певец в ответ:- Не слушай,
если песня не мила.
Но в чужие лезть дела
я б не стал, сеньор, по чести.
Да почем мне знать болести?
Знахарка так назвала.

"Не болести, а болезни!
Экий, братец, ты облом.
Ведь не смыслишь ты ни в чем,
кроме стада и трактира",-
снова как огrel хлыстом
этот въедливый придира.

- Хуже нет,- сказал певец,-
есть вдвоем из общей плошки.
Этот умник все оплошки
хочет ставить мне в строку.
Думал я, мы все в рогожке,
ан один из нас в шелку.

Может, слушатель ученый
досказать позволит мне
о моем опекуне?
Только ты войдешь в работу,
как любителей без счету
хаять, стоя в стороне.

Старику, как говорил я,
приходил уже конец.
Я ведь был совсем юнец,
страшно в дни мне было эти,
видел я: на белом свете
опекун мой не жилец.

А еще страшнее было
зимней ночью мне с больным.
Он проклятья слал святым,
церкви, милости господней,

бредил, что из преисподней
дьявол сам пришел за ним.

Понял я: такие люди,
жизнь которых нечиста,
трусят смерти неспроста.
За грехи он ждал расплаты,
корчился, как бесноватый
перед знаменьем креста.

Богохульством запоганил
так он логово свое,
что и пищу и питье
внутрь просовывал я палкой:
хоть больного было жалко,
я не мог войти в жилье.

Прикоснуться к святотатцу -
не к добру наверняка.
И не трогал старика,-
пусть кощунствует, бранится
в одиночестве, пока
смерть к нему не постучится.

Голосом позвать не в силах,
звал он звоном бубенца.
Умирающий с лица
страшен был - распухший, черный.
Так с ним были до конца
псы да ваш слуга покорный.

Песнь семнадцатая

Пересиливши свой страх,
убедился я, что тело
старика окоченело,
и - к алькальду со всех ног.
Тот, соседей взяв пяток,
прибыл, чтоб уладить дело.

"Бог ему прости, бедняге,-
вымолвил один сосед,
хроменький, преклонных лет,-

много из чужого стада
съел бычков он; думать надо,
держит он за все ответ".

"Спору нет,- алькальд прибавил,-
был он слаб на этот счет
и шалил не первый год.
Уж ему спускали много,
но потом внущили строго,,
чтоб чужой не трогал скот.

Как обездчик был он, помню,
в молодости удальцом,
в грязь не ударял лицом.
В одиночку он в коррале
совладать мог с жеребцом,-
нынче б так не совладали.

Но и в те поры соседям
приносил он тьму вреда.
Смешивать любил всегда
он своих с чужими ярок:
как разделятся стада,
глядь,- уж у него приварок!"

"Бог ему прости, но он,-
молвил третий,- жил обманом.
Скольким он чужим баранам
век укоротил - вопрос.
Сколько шкурок в лавку снес?
А зато всегда был пьяным.

И какой притом покойник
был сквалыга - вспомнить стыд!
Скажем, у огня сидит
он с пеонами сам-пятый,
для себя заварит мате,-
никого не угостит.

Если жарил он асадо
(бог беднягу упокой!) -
фокус делал он такой:
мясо проклянет да плонет,

а потом уж в угли сунет,-
чтоб не ел никто другой.

Богомерзкий свой обычай
этот старый крохобор
бросил навсегда с тех пор,
как схлестнулся он с мулатом,
беглым вроде бы солдатом
по прозванью Живодер.

Раз при нем стариk проделал
этот фокус, на беду.
Взвыл мулат, как черт в аду,-
дикий у него был норов:
"Ты узнаешь, старый боров,
как плеваться на еду!"

Прыгнул,- молнией сверкнула
узкая полоска стали.
Черт! Вот не было печали,-
одно слово, Живодер!
Он ножом бы кончил спор,
если б мы не удержали.

Но мулат был не таков,
чтобы выйти вон из круга.
Старику пришлось бы туда
если бы со всех он ног
не пустился наутек,
полумертвый от испуга.

Так, без ужина оставшись,
прятался всю ночь стариk
на болоте, как кулик.
И со временем той стычки,
надо полагать, отвык
от поганой той привычки".

Слушал я, что говорили
о покойнике они.
Да, когда б не кончил дни,
дал бы мне он воспитанье!
Господи оборони

от такого поминанья.

Стал алькальд смотреть хозяйство.
Здесь впервый и я был сам.
Ну и ну! По всем углам -
беспорядочные груды
разной утвари, посуды,
тряпки, шкуры, всякий хлам.

Добрых два десятка лассо,
плети, рваные мешки,
бычья жила, и кишкы,
и подпруги, и уздечки,
всевозможные колечки,
всяческие ремешки...

Куча болас, старых седел,
три исправные седла,
стремена и удила,
пряжки, дышловые кольца,
бубенцы и колокольца,
пять кастрюлок, два котла.

Пончо, потники, попоны,
отслужившие свой срок,
вертела, ножей с пяток,
куча выношенных шапок,
ворох всяких грязных тряпок
и разрозненных сапог.

С удивленьем несказанным
сверх всего приметил я
в этом ворохе старья,
что награбил лис матерый,
и чернильницу - которой
обылся наш судья.

"Ну скажи,- алькальд промолвил,-
как набил нору свою!
Это впору муравью.
Вещи возвратить не худо
их владельцам, а покуда
нужно известить судью".

Тут накинулись соседи,
словно стая воронья:
"Мое лассо!" - "Плеть моя!"
Совестно мне слушать стало:
правды было в этом мало,
предостаточно вранья.

Осмотрев и сосчитав
стариковское именье
и устав до одуренья,
мне алькальд сказал: "Поздней
я пришлю тебе людей,
чтоб устроить погребенье".

Мол, хоть не был опекун
мне роднёю никаковской,
муравейник стариковский
я в наследство получу.
С ласкою меня отцовской
потрепал он по плечу.

"А душеприказчика
из соседей я назначу,
жизнь твою переиначу.
Знай, решается сейчас
по закону все у нас.
Бог пошли тебе удачу".

Так! Еще одно наследство!
Почему ж я гол и бос
и бездомный, словно пес?
Перво-наперво мне надо
знать, где бабушкино стадо;
не найду - с кого тут спрос?

Песнь восемнадцатая

Каждый из моих соседей
сел в седло - и был таков.
Наземь я упал и - в рев!
Одиночество не шутка,
и уж так мне было жутко

с мертвцом и сворой псов.

Свой заветный образок
грешнику надев на шею,
стал молиться - как умею -
о душе опекуна:
"Ты, пред кем сейчас она,
сжалься, смилийся над нею!"

Страх терзал меня свирепый,
грызла лютая тоска.
За себя, за старика
богу я молился жарко,
не сводя глаз с образка -
материнского подарка.

"Мама, мама! Где ты, где ты? -
я рыдал.- Приди ко мне!
Где, в какой ты стороне,
я не знаю. Все едино,
горькие рыданья сына
слышать ты должна во сне".

Так, тоскуя безутешно
и молясь за упокой,
я дрожал во тьме ночной.
Вдруг услышал я щемящий,
смертный ужас наводящий
псов многоголосый вой.

Ох, не дай господь изведать
вам такого никогда!
Мне до Страшного суда
не забыть, как было жутко.
Удивляюсь, что рассудка
не лишился я тогда.

Неученые, как я,
верят в сны, в приметы, в слухи.
Говорили мне старухи:
если слышишь песий вой,
знай,- за грешною душой
прилетели злые духи.

Нет, пускай уж крысы жрут
стариковские достатки!
На чужое я не падкий...
Не дождавшись похорон,
бросился я без оглядки
из берлоги этой вон.

В тот же день (потом узнал я)
подрядили бедняка,-
и зарыл он старика.
Слышно, проклята могила:
часто из земли рука
поднималась и грозила.

А недавно я узнал
об ужасном этом деле
то, чего не знал доселе:
ведь мертвец - вот страх какой! -
был зарыт с одной рукой,
а другую псы отъели!

Этот грех с той самой ночи
тяготеет надо мной:
страх погнал меня шальной,
я удрал, оставив тело...
Те места и самый смелый
объезжает стороной.

О проклятом этом ранчо
нехорошая молва:
из щелей растет трава,
по углам - тьма мерзких тварей;
а ночами в той хибаре
глухо ухает сова.

Как я жил тогда - не помню,
страшная была пора.
Платье - на дыре дыра.
А уж спал куда как худо:
снились псы, мертвец и груда
выморочного добра.

Песнь девятнадцатая

Стал я сам себе хозяин.
Говорят, что не бедна
голова, коли одна.
Обходил судью подале,
чтобы мне не навязали
нового опекуна.
Он сказал: "Твоим именьем
управлять я буду сам,
ну а к тридцати годам
станешь совершеннолетним³⁷,-
все сполна тебе отдам.
Ты не верь зловредным сплетням".

Ждать мне оставалось долго,
и, как ящерица, гол,
я из этих мест ушел
прочь, куда глаза глядели,
словно болас, что без цели
пущены на произвол.

Детство кончилось мое,
но не кончились напасти.
Думал - вот предел несчастий!
Аи была мне суждена
мука горшная одна:
мука безответной страсти.

Без сочувствия и ласки
жил я в людях - как трава.
Возмужал я, но, едва
детские просохли слезы,-
въелась хуже той занозы
в сердце мне одна вдова.

Часто женщину мужчина
превозносит сверх цены,
обвиняет без вины,

³⁷ ...ну, а к тридцати годам //станешь совершеннолетним...- По законам того времени совершеннолетие наступало в тридцать лет.

в замарашке видит чудо...
До чего ж мы знаем худо
тех, в кого мы влюблены!

Исстрадался я совсем.
Днем ли, ночью - нет покою!
Сладить как с бедой такою?
Рассказал тут кто-то мне
об искусном колдуне:
все, мол, снимет как рукою.

Я не верил, я робел.
Но тоска вконец заела,
и, измучась до предела,
весь иссохши дочерна,
разыскал я колдуна:
дескать, вот какое дело.

Я стоял, стыдом убитый,
покраснев, как помидор.
Он изрек мне приговор:
"У тебя есть враг заклятый,
зелье подмешал в твой мате,-
вот и чахнешь ты с тех пор".

"Исцелю,- ведь у меня
сила от креста святого,
одолею духа злого".
Страусовым он пером
обмахнул меня, потом
молвил мне такое слово:

"Прокляни своих знакомцев,
всех, кто водится с тобой,
чтобы злопыхатель твой
нам открылся между ними;
и покойников с живыми
помяни ты в клятве той".

Он велел, чтоб у вдовы
старое стащил я платье;
тряпку должен разостлать я
перед рутовым кустом,

после должен лечь крестом
и произнести заклятье.

Как велел, так я и сделал:
платье у вдовы стащил
и обряд тот совершил
пред кустом пахучей руты,
но напрасно: пламень лютый
жег меня, меня сушил.

"Съешь побег чертополоха -
и пройдет твоя любовь".
Что ж, послушался я вновь.
И уж так мне было плохо,-
целый куст чертополоха
я сжевал,- вся глотка в кровь.

Это новое лекарство
поначалу помогло.
Все бы, может, и прошло,
только встретил, по несчастью,
я вдову,- и жаркой страстью
снова сердце обожгло.

И опять я к шарлатану
(а деваться-то куда?) -
пропадаю, мол, беда!
Плату взял он, не краснея,
и железной цепью шею
обмотал мне в три ряда.

А когда пришел я снова,
он сказал мне: "Знай одно,-
женщины упрямы, но
верная моя наука;
в споре - вот тебе порука! -
верх возьмем мы все равно.

Тайно с головы у негра
сrezжь волос колечка три,
в молоке их повари,
выпей тот отвар молочный.
Исцелишься, это точно,

верь науке, не мудри".

Только уж на этот раз я
не поверил колдуну.
"Что ж,- подумал я,- начну
с болью со своей мириться:
курица, как говорится,
привыкает к типуну".

Так и шло. Но как-то раз
наш священник многословный
стал меня тоской любовной
попрекать,- грешно живу.
Называл он ту вдову
дочерью своей духовной.

И сказал священник так:
"Знай ты, грешник недостойный,
что супруг ее покойный
строгий положил зарок:
чтоб никто другой не мог
обвенчаться с нею снова.
В том с нее, как занемог,
взял он клятвенное слово.

Бог велит, чтобы отрекся
ты от прихоти своей.
Докучать вдове не смей:
коль она не сдержит клятвы,-
падете оба в ад вы,
ты погибнешь вместе с ней".

Тут-то я уж отрезвел.
Все еще страдая люто,
изменил свой путь я круто.
Да, совет - хорош иль плох -
действует сильней, чем рута,
цепи и чертополох.

Я узнал, что он судье
молвил так: "За это чадо
я не поручусь, вам надо
вдаль спровадить молодца.

Он паршивая овца,
отлучим его от стада".

С радостью таким речам
внял судья наш плутоватый.
И, ни в чем не виноватый,
в скором времени был взят
в пограничный я отряд.
Так я угодил в солдаты.

Что ж, за вдовушками бегать
не охотник больше я,
но попозже в те края
заявлюсь я все одно.
Как моя там животина?
Пусть мне даст отчет судья.

Песнь двадцатая

Так рассказ Мартина Фьерро
и его сынов рассказы ?
были праздничному люду
в поученье и утеху.
Десять лет, лет безотрадных,
проводили они в разлуке
и теперь, найдя друг друга,
были счастливы безмерно.
И когда они умолкли,
от толпы вдруг отделился
человек и позволенья
попросил стать с ними рядом.
Парень молодой и ладный,
он с учтивостью держался,
был он пришлый,- лишь недавно
появился в той окруже.
Говорили, что вернулся
он со службы пограничной,
что на скачках на последних
лавочника обыграл он;
но на праздник он явился
в бедной, порванной одежде:
истинным певцам прилично
только бедностью гордиться.

У старейших испросил он
дозволенья молвить слово;
имени не открывая,
объявил чистосердечно,
что его Жуком прозвали,
и, когда честному люду
выслушать его угодно,
то, рассказ его услышав,
кто таков он - все узнают.
Тут он взял свою гитару,
тут собрание притихло,
и, перебирая струны,
начал свою повесть Жук.

Песнь двадцать первая

Жук

Уж простите,- мне придется
не с веселого начать.
Рано потерял я мать
и не мог ни в малой мере
я тогда своей потери
ни оплакать, ни понять г..

И не знал тогда, не ведал,
беззащитный я малец,
кто и где был мой отец.
Должен был я сам кормиться:
не успевши опериться,
выпал из гнезда птенец.

Пограничная охрана,-
да к тому еще война! -
ведь для этого нужна
ополченцев тьма какая!
Оттого земля родная
бездотцовщины полна.

Я-то выжил потому,
что мальцом еще, бывало,
коль ко мне что попадало,
уж не выпускал из рук.

И за то ко мне пристала
с малолетства кличка - Жук.

Нанялся я к одному,
взял меня он за подпаска.
Войлоков протертых связка -
вся награда мне за труд.
А к тому же был он лют,-
что ни день, то брань да таска.

От рассвета до заката
я стерег хозяйствский скот.
Ежели овца падет -
мой хозяин так лютует!..
И стервятники пирут,
лакомятся за мой счет.

Опротивела мне скоро
жизнь с хозяином таким:
злой, скупой да нелюдим.
Я решил искать удачи.
Подвернулся цирк бродячий,-
в Санта-Фе³⁸ махнул я с ним.

Стал меня один циркач
(мастер был он на все руки)
обучать своей науке,
и мечтал я об одном:
стать канатным плясуном.
Но судьба нам строит штуки.

Рассмешил народ однажды
я дырою на штанах:
смех, свистки - возьми их прах!
Я и грязнулся с каната.
Да, узнав однажды страх,
брось искусство акробата.

Что же делать, если снова
я остался ни при чем?
Наниматься пастухом?
Но - бывают же находки! -

³⁸ ...Санта-Фе - центр одноименной провинции Аргентины.

объявились вдруг две тетки,
взяли сироту в свой дом.

Скоро я привык,- спасибо
родственной их доброте,-
жить в уюте, в чистоте.
От еды ломились полки.
Только были ж богомолки
старые девицы те!

Чуть затеплится заря,
уж перебирают четки
обе набожные тетки,
а когда в полночный час
видят сны все в околотке,
молятся еще у нас.

И вот тут,- ну что ты скажешь,
знать, бесенок-озорник
хитростью в меня проник,-
только стану на колени,
изготовлюсь для молений,-
заплетается язык.

Это портило мне радость
беспечального житья.
Пытка началась моя
в день, когда единым духом
должен был назвать старухам
десять заповедей я.

Хоть служанка их - мулатка
подсказала мне пяток,
помощь не пошла мне впрок.
Знал, чего хотели тетки,
только вытолкнуть из глотки
слово "заповедь" не мог.

"Заповеди ты господни
помнишь?" - сдерживая гнев,
молвила одна из дев.
Помнить помню и сегодня,
как, от страха ошелев,

брякнул: "Заводи господни..."

Получил я по затылку 1
 Отрезвил меня тумак.
 Но силен, как видно, враг,
 злой служитель преисподней,
 и поправился я так:
 "Тыфу ты,- зануди господни...>:

И, кажись, ведь у старух
 я учился не напрасно
 и молился распрекрасно
 днем. А как настанет ночь,-
 уж молиться мне невмочь.
 Бес тут путал, это ясно.
 Все мулатка виновата:
 у нее дурной был глаз.
 Должен был сказать я раз
 "Киприан, святой угодник",
 ляпнул же, как на заказ:
 "Киприан, святой негодник".

Тут одна меня по шее,
 а другая по губам.
 Разозлился я и сам
 и при том, что нравом кроток,
 мысленно отправил теток
 с их молитвами - к чертям!

А на праздник Вознесенья
 вырвали мне клок волос.
 Тетки задали вопрос -
 что за праздник, в чем тут дело?
 Тут мулатка поглядела,-
 обмер я и вздор понес.

Можно это объяснить
 лишь бесовским наважденьем:
 вознесенье "разнесеньем"
 я назвал. Вот был разнос!
 Я и то считал везеньем,
 что осталась часть волос.

Я не мог забыть обиду.
Причиненное мне зло
мучило меня и жгло.
И в своих молитвах с пылом
я взывал к небесным силам,
чтобы теток разнесло.

Днем все четверо в молитве,
вечером читаем мы
жития святых, псалмы...
И когда все это дело
мне вконец осточертело,
я удрал,- как из тюрьмы.

Песнь двадцать вторая

Снова я бедней, чем мышь,
без друзей и без дороги.
Ладно! Ни к чему тревоги,
как-нибудь да буду сыт:
ведь журавль и то стоит,
несмотря что одноногий.

Горько вспомнить, до чего
жизнь моя была печальной
в той поре первоначальной.
Ремесло я изучил
после уж, когда служил
в гвардии национальной.

Там я до конца проник
в тайны той науки сложной,
что зовут игрой картежной.
И, с трактирщиком одним
заключив союз надежный,
стал работать вместе с ним.

Меченную мной колоду
(ставил я искусный крап)
среди новых клал он в шкатулку.
С ним на пару в той таверне
обирал ежевечерне
я подвыпивших растяп.

Ты растяпа, если в картах
доверяешься судьбе.
Побеждает тот в борьбе,
для кого игра - работа,
не оставит он в два счета
и рубашки на тебе.

Если у меня вдобавок
за столом есть свой партнер,-
будь ты, словно бес, хитер,
мы вдвоем тебя осилим.
А богатым простофилям
чистый будет тут разор.

С ловким игроком нельзя
полагаться на удачу.
Вот возьмем, к примеру, сдачу:
хоть колода на виду,
я глаза вам отведу,
карту сброшу и припрячу.

Скажем, видел ты случайно,
по оплошности моей,
что на вскрышке туз червей.
Ставка сделана... Постой-ка,
где твой туз? Открылась тройка!
Кто ж из нас двоих хитрей?

В горке главное - сноровка,
цепкость пальцев там нужна.
Днем сесть надо у окна,
вечером - к огню поближе,
да скамейку взять пониже:
снизу вся игра видна.

Место выбирайте сразу,-
тут большого нет секрета,-
чтоб противник против света
видел карты хуже вас.
Главный козырь в играх - это
памятливый, острый глаз.

Новичок да против света -
все едино что слепой,
где ему играть со мной?
Дам, для пущего азарта,
взять одну-другую карту,
зацеплю, а там он - мой!

Каждый гринго мнит себя
знатоком игры картежной.
Поначалу осторожный,
входит он в азарт, и глянь -
уж его за жабры можно
голыми руками брать.

Как ни лезет вон из кожи,
не спасется нипочем
тот простак: ведь незнаком
он с набором штук игрецких.
В играх всяких, даже в детских,
выигрыш берут умом.

В карты побивал я всех,
будь то горка, будь девятка;
передержка и накладка
мной не раз пускались в ход,
как сдавать был мой черед,
но всегда сходило гладко.

В труко для партнеров тертых
был я сущая напасть:
каждый раз, как карты класть,
разбирала их досада,-
у меня туз пик, иль "масть",
или "парочка" что надо.

Это ремесло давало
мне порядочный доход.
Если кто игрой живет,
должен рвать с кого попало...
Правда, за обмен колод
и трактирщик драл немало.

Карты игрокам подаст

(не бывало тут промашки)
в хрусткой гербовой бумажке,
и приложена печать;
но при том я мог узнать
карту каждую - с рубашки!

Да, опасная работа!
Только знал я ремесло:
те, кому не повезло,
проверяют пусть колоду,-
все концы упрятав в воду,
чистым буду, как стекло.

Приглашали,- я и в кости
был не против сыгрануть.
К выигрышу верный путь
есть и тут: готовый к бою,
кости я носил с собою,
где свинец был или ртуть.

В бабки всех я побеждал
(кость имел с нутром свинцовым),
бильярдистом был толковым,-
друг за дружкой клал шары,
в камушки играл... Ну, словом,
был знаток любой игры.

Да, скажу вам, жить игрой -
значит стать на путь обмана,
ждать в засаде, у капкана -
вдруг судьба пошлет глупца.
Грех обворовать слепца,
грех и обыграть болвана.

Я занятъе это бросил
и беды не вижу в том,
что поведал обо всем
мне по опыту известном.
Выгодней трудом жить честным,
чем вседневным плутовством.

Песнь двадцать третья

Неаполитанец как-то
с коробом пришел товару;
с музыкантом он на пару
странствовал. Не мудрено,
что ему в тридцать одно
в тот же вечер дал я жару.

Дурачком я притворился:
мол, в бильярде ни аза.
Клюнул,- знать, ему глаза
отвела Санта-Лючия;
тут сажать как стал шары я,
треск был - словно бы гроза!

И бранясь, и причитая,
он оплакивал беду:
"Вор! Управу я найду
на обманщика, на вора!.."
В пончо сгреб я без разбора
всю его хурду-мурду.

Обыграл я торгаша,
признаюсь, без сожаленья:
дело было в воскресенье,
грingo сам был не святой,
и его моей рукой
покарало провиденье.

Только я старался зря!
Сразу кот учゅял рало:
то добро не миновало
длинных загребущих лап
полицейского капрала
по прозванию Куроцап.

Расшумелся он, что просьба
пострадавшим подана,
что игра запрещена,
что тюрьма по мне скучает,
что "в казну" он забирает
весь мой выигрыш сполна.

С той поры не мог я видеть

мерзкое его мурло!
 Каюсь, коль на то пошло -
 я ограбил ротозея,
 но грабитель мой подле:
 власть употребил во зло.

Знали все, что был он вором
 и скрывался от суда;
 но сумеет уж всегда
 спеться с ястребом ворона,-
 и преступник без труда
 стал блюстителем закона.

Разъезжал он по округе,
 якобы ловил воров.
 Что и говорить, улов
 каждый раз бывал хороший:
 выночный мул кряхтел под ношей
 кур там было, индюков...

Так за месяцем шел месяц,
 но не только не ослаб,-
 все крепчал его нахрап.
 Этую жадную скотину
 клял народ,- мол, десятину
 снова вводит Куроцап.

Мнил себя певцом. Вот как-то
 врал напев он и слова,
 выпучившись, как сова,
 подпиная задом стенку.
 Я как гаркну: "Ишь расква...
 Ишь расква... сил я коленку!"

Глянув зверем, продолжал
 выть свою он панихиду,
 не показывая виду,
 что расчуhal мой намек.
 Но я знал, что в должный срок
 он отплатит за обиду.

Как-то, угодив в участок
 (был, признаться, пьяноват),

распотешил я солдат:
 "Братцы! Выпил-то две капли!
 Все пьют,- каждый на свой лад,-
 индюки ли, куры, цап... ли".

Крякнув и налившись кровью,
 будто треснулся башкой,
 прохрипел он: "Ну, постой!
 Выдастся удобный случай,-
 ты попомнишь, гад ползучий,
 будешь знать, кто я такой!"

Да к тому ж еще бабенка
 встрияла промеж нас, на грех,-
 крепенькая, как орех,
 и была такая слава,
 что она,- хоть не для всех,-
 но покладистого нрава.

Раз она пекла лепешки,
 я зашел, а он уж там.
 "Может, помешал я вам? -
 оглядел я эту пару.-
 Коль сеньоре мало жару,
 то скажите,- я поддам".

Он надулся, а она,
 чтобы избежать скандала,
 мне в ответ: "Да, жару мало,
 подложить дровец пора;
 принеси-ка со двора,
 знать, услужливый ты малый".

Если Куроцап и прежде
 зуб имел против меня,
 то уж с этого-то дня
 попросту остервенился.
 "Доберусь уж,- он грозился,-
 я до этого шпыня!"

Видел я, что полицейский
 жаждой мести обуян
 и, наверно, уж капкан

мне готовит тихомолком.
Коль баран поспорит с волком,
виноват всегда баран.

Сила ведь солому ломит,
прет лишь дурень на рожон.
Был я жизнью умудрен
и берегся с той поры
выйти из своей норы,
если рядом рыскал он.

Песнь двадцать четвертая

Как ни расставлял ловушки
мне проклятый Куроцап,
до поры из его лап
все ж я ускользал умело.
Время выборов приспело,
тут меня и - цап-царап!

Много было разных списков.
По причине этих дел
спорился народ, шумел,
и случались потасовки.
Только зря: на подтасовке
наш судья собаку съел.

В самый день голосованья
вышел Куроцап вперед,
стал запугивать народ:
"Одного держитесь списка,
а не то, мол, не без риска,
прахом опчество пойдет".

Вырвать мой хотел листок -
не того он, дескать, цвета,
только что не вышло это,
я не отдал. Тут он в крик:
"Как! Ты, значит, бунтовщик,
не за список Кумитета?"

Хоть остерегался я,-
как обиду снести такую?

Гаркнул я напропалую
в морду злыдню и рвачу:
"Ладно! За кого хочу,
за того и голосую!"

Все на выборах мы ровня,
как за карточным столом.
Если в праве я своем,
ты ко мне не суйся близко,-
ты ни карт моих, ни списка
не отнимешь нипочем!"

Вот за эти-то слова
очутился я под стражей.
Он смошенничал, сын вражий,
и поймал меня в силок.
Драться с ними я не мог:
хуже было б для меня же.

Так из-за каких-то "списков"
умудрился я попасть
к этой гадине во власть.
Разговор тут был короткий,
понатешился он всласть -
засадил меня в колодки.

Словно бы раскрыл глаза мне
этот явный произвол,
он на память мне привел
много былей вопиющих.
Да, народ для власть имущих -
только подъяремный вол.

Правосудье, что обычно
не спешит,- таков уж нрав,-
тут помчалось вдруг стремглав:
мне в три дня решенье вышло.
Да, закон у нас - что дышло,
кто сильнее, тот и прав.

Песнь двадцать пятая

Только выборы прошли,

власть решила, что не худо
взять,- все налицо покуда,
не разъехались пока,-
часть собравшегося люда
в пограничные войска.

Оробел народ. А стража,
похватав без лишних слов
горемычных бедняков
(многих, не один десяток),
словно связку куропаток,
свой представила улов.

Оглядев их с важной миной,
Куроцап изрек: "Вы сброд,
я возьму вас в оборот!
Слушаться беспрекословно!
Заберем всех поголовно,
ни один не улизнет".

Комендант пришел. Мы разом
охнули: "Спаси, Христос!"
Куроцап ему принес
список всех, попавших в клетку.
Каждому задав вопрос,
делал комендант пометку.

Первый вызванный был негр.
"Ты, встать смирно! Ишь, на вид
и воды не замутит,
а ведь сам злодей отпетый.
Служба, ты уж не посетуй,
зло в тебе искоренит".

Второму:
"В нищете твоя семья.
Так какой же ты мужчина,
коль свой долг, долг семьянина,
взять никак не можешь в толк?
В ополченье, дурачина,
ты узнаешь, что есть долг".

Третьему:

"И с тобой хлопот по горло.
 Что ж на выборы ты, друг,
 опоздал? Иль недосуг?
 Не объявишься ли хворым?
 Знать, отбился ты от рук,-
 в войске будешь под надзором".

Четвертому:

"Мне сдается, ты, парнишка,
 в нашем округе - чужак:
 не припомню я никак,
 чтобы я с тобой встречался.
 Ты к судье хоть раз являлся?
 Стало быть, ты из бродяг".

Пятому:

"Вот еще один смутьян.
 Говорят, что в пульперии
 речи ты ведешь пустые,
 подстрекаешь там народ?
 Мы вас вылечим, витии:
 в ополченье дурь пройдет".

Шестому:

"Стало быть, подать свой голос
 ты не хочешь ни почем?
 Мы его тут ждем-пождем,
 а гордец наш фордыбачит:
 только выборы назначат -
 глянь, он в округе другом".

Седьмому:

"Ты отъявленный лентяй,
 нет ни службы, ни достатка,
 темная ты, брат, лошадка,
 надобно тебя убрать
 с тем, дабы не мог ты стать
 нарушителем порядка".

Восьмому:

"В гвардии национальной
 отслужил ты? Нужды нет.
 Дай-ка мне сюда билет -

разберутся командиры.
А подашься в дезенътиры,
зной, не оберешься бед".

Девятыму:
"Вот как, льгота у тебя?
На дурном счету давно ты.
Ловок - получает льготы,
а голосовать нейдет,
путает нам все расчеты.
Для смутьянов нету льгот".

Каждому был свой резон,
каждому - своя причина,
приговор же, все едино,-
был за кем иль не был грех,-
общий ожидал нас всех,
общая ждала судьбина.

Тут заголосили враз
сестры, матери и жены;
причитанья их и стоны
слушать было невтерпеж.
Но начальство не проймешь:
у него в руках законы.

Что за важность, коль над сыном
безутешно плачет мать,
коль на произвол бросать
должен муж жену с детьми?
Молча эту казнь прими,
понапрасну слов не трать.

Женщине куда ж деваться?
Помощь ей одна - сосед.
Но уж так устроен свет,-
все по этой части слабы;
хватит ли ума у бабы
соблюсти себя иль нет?

Люди бросились к судье:
где еще искать опоры?
Сразу, не вдаваясь в споры,

ОН ВИЛЬНУЛ В КУСТЫ, ТОЧЬ-В-ТОЧЬ -
от погони лис матерый:
"Я бессилен вам помочь!"

Это дело коменданта,
набирает он солдат,
я же в том не виноват,
что устав военный строгий.
Одним словом, тут я ноги
умываю, как Пилат".

Прямо разрывалось сердце!
Вот беда так уж беда!
Шутка ли глядеть, когда
мать с ватагой деток малых,
изнуренных, одичалых,
тащится невесть куда?

Да, теперь уж с нищетой
вы должны сражаться сами,
справиться легко ей с вами,-
думал я... Но речь веду
не о том я, ту беду
выразить нельзя словами.

Песнь двадцати шестая

Как меня начальник вызвал,
каюсь, я струхнул: "Ну вот
наступил и мой черед!"
Был хоть парнем я рисковым
и в карман не лез за словом,
тут воды набрал я в рот.

Глянув в список, комендант
объяснил мне деловито,
что игрок я, волокита,
всей округи стыд и срам,
что пошел я по стопам
своего отца - бандита.

Верно, был я не безгрешным,
что от вас и не таю,
но зачем он жизнь мою
разукрасил так превратно?
Тут мне Куроцап, понятно,
подложить успел свинью.

Он меня бандитским сыном
так уверенно назвал...
Значит, ябедник-капрал
кое-что пронюхал? Я же
и по имени-то даже
своего отца не знал.

Дал обет я Иисусу,
чтобы снял с души он груз.
И помог мне Иисус:
я узнал: не вор бесчестный
был отец мой, но известный
всем своей отвагой Крус.

Слышал о сержанте Крусе
смолоду и я не раз,
часто старшие при нас
поминали для примера,
как помог он в трудный час
храброму Мартину Фьерро.

Память о делах отцовских
сыновьям живит сердца.
Вспомнил своего птенца
мой отец перед кончиной.
Как молился он за сына,
так молюсь я за отца.

И тогда я устыдился
всех своих былых грехов.
Я, узнавши, кто таков
был родитель мой покойный,
новый путь, отца достойный,
твердо выбрать был готов.

Добрый отпрыск должен множить

честь отцовских добрых дел.
Если ж сын не захотел
по тропе шагать отцовой,
будет суд над ним суровый,
вечный стыд - его удел.

Переламывать себя
было трудно лишь сначала,
после ж так легко мне стало,-
 пятна смыл с души и с рук.
Только эта кличка - "Жук"
намертво ко мне пристала.

В добром имени своем
носишь ты добра частичку,
с ним и честь тебе в привычку.
Безыскусный мой рассказ
пусть остерегает вас:
не стереть дурную кличку.

Песнь двадцати седьмая

Вот как место я нашел
в горемычном многолюдье.
ЕСЛИ ЭТО правосудье,
что ж такое произвол?

Сплутовал со мной закон,
карты были с явным крапом:
я не ладил с Куроцапом -
он втолкнул меня в загон.

Я ему попался в руки,
и мерзавец, мелкий чин,
так, со злости, без причин,
вверг меня в тот ад на муки.

Стану ль утруждать вам слух,
поминать свои невзгоды?
Годы так ведется, годы,
вот спросите у старух.

Тот же труд весь день-деньской,

те же горькие лишенья,
караулы и ученья,
так же - платы никакой.

Тот же голод, нищета,
та же рвань взамен одежи,
и от казначейства - то же:
ни гроша, ни лоскута.

Так идут за днями дни,
зной труби, хоть через силу;
ты устал - ложись в могилу,
а живой - свой гуж тяни.

Если, не стерпев ярма,
непокорство кто окажет,
то его к столбам привяжут...
Впору тут сойти с ума!

Не было для новобранцев
даже формы, чтоб на взгляд
отличить могли отряд
от ватаги оборванцев.

Слышно, в тридорога стало
ополчение казне,
но из этих денег мне
не досталось ни реала.

Под ружьем весь день потея,
мы мечтали об одном:
нам бы хоть одним глазком
поглядеть на казначея.

Если к нам и прибывал
иногда тот гость залетный,
был он как огонь болотный:
поманил, да и пропал.

Больно далеко граница,
и запаздывал он так,
что не мог солдат никак
от своих трудов разжиться.

Лучше, чем такой прием,
и не выдумать, без спора:
приезжает, а при нем -
список прошлого набора.

Тем, кто голодает ныне,
ни медяшки, как на грех;
а разыскивают тех,
коих нет давно в помине.

Этот, море бед испив,
убежал, другой в могиле,
а иного отпустили,
ни гроша не заплатив.

Уж таков он, злой и глупый,
наш уклад и наш устав:
гаучо живет без прав,
не имеет он застуны.

Срам! Когда солдаты цепью
выстроются на смотру,
то флагами на ветру
трепыхаются отрепья!

Службой нас отягощают,
как на пахоте вола,
а уж если увольняют,
так в чем мать нас родила.

Получил ты в ополченье
понcho, лошадь или сбрую,-
у тебя приувольненье
все отнимут подчистую.

И уходишь ты, бедняк,-
вот твой жребий беспощадный,-
неимущий, безлошадный:
яко наг ты, яко благ!

Отставной солдат, увы,
вид являет невеселый:

исхудалый, босый, голый,
как петрушка без ботвы.

Летом - как-нибудь, а что же
будет делать он зимой?
Доберется ли домой
без коня и без одежи?

Нет чтоб дать страдальцам этим
из казенного добра
хоть беззубого одра,-
пусть вернутся к женам, к детям!

Но закон к тебе, сердяге,
словно к нехристю, жесток:
даже не дают бумаги
в том, что отслужил ты срок.

Срок ты отбыл до конца,
честно послужил державе,
но любой начальник вправе
счесть тебя за беглеца.

Дом твой разорен дотла,
ранчо и корраль в разрухе:
за бесценок с голодухи
все жена распродала.

И, по чести говоря,
правды лучше не ищи ты -
не найдешь ни в ком защиты,
время потеряешь зря.

Коль в поместье ты, бедняга,
сунешься - просить кусок,
могут дать и новый срок:
по закону ты - бродяга.

Нам пора бы отказаться
в ополчении служить:
надо воину платить,
по-людски с ним обращаться.

В мире многого узнать я
не сумел - от темноты,-
но узнал: для бедноты
жизнь есть чистое проклятье.

Все помалкивают что-то,
а давно пора сказать:
если родина нам мать,
где ж о нас ее забота?

Сколько нас в солдатах мерло!
Если ж ты живым ушел,
ходишь под ярмом, как вол,
чтобы кто-то жрал в три горла.

Испытавши этой жизни,
?горький я вопрос задам:
как питать любовь к отчизне,
столь жестокой к сыновьям?

Песнь двадцать восьмая

Без костей, как говорится,
наш язык - болтает сам;
я ж хотел поведать вам,
как жилось мне на границе.

От тоски, от непокою
средство, знаю, есть одно:
повторяй лишь "Все равно!"
и на все махни рукою.

Сокрушаться мало прока.
Я напомнить вам могу:
рыба ищет, где глубоко,
кошка жмется к очагу.

Говорю я так к тому,
что всегда у человечка
цель одна: найти местечко,
лучше было б где ему.

Лямку я тянул сначала
как другие, но потом
сделался я денщиком,
тут уж мне полегче стало.

Хоть судьба не отвела
от меня солдатских бедствий,
все ж есть выгода в соседстве
офицерского котла.

Это было мне с руки.
К счастью своему большому,
поступил я к полковому
адъютанту в денщики.

Он особняком держался,
с книжками сидел всегда,-
в ранние свои года
стать монахом собирался.

Слыша за своей спиной
шутки, не бывал в обиде;
часто он смотрел, не видя,-
ну ни дать ни взять святой!

Неженка,- спал на кровати.
Чем-то (уж не знаю я)
ненавистный нашей братье,
прозван был "Ворожея".

Занят был мой адъютант
службой незамысловатой:
получал на всех он мате,
курево и провиант.

Лишь на месте мы осели,-
я прикинул что к чему
и пристроился к нему
как помощник в этом деле.

Ох, уж эта солдатня!
Им потеха даровая,

зашушукались, кивая
на него и на меня:

"Ну, теперь нам горя мало,
раз Ворожея и Жук
снюхались, они сам-друг
нас накормят до отвала".

Жизнь моя и впрямь текла
при таком начальстве гладко.
Объяснить могу вам кратко,
как там делались дела.

У Ворожеи, по слухам,
сговор был с поставщиком.
"Где, мол, офицер с умом,
там солдат с голодным брюхом.

Знаем, мол,- не без причины
неважнецкий наш припас,
и по весу каждый раз
не хватает половины.

Стежка, мол, проторена,
делятся они, плутяги,
и, конечно, на бумаге
ставят: "Получил сполна".

Каждый этим разговорам
верить или нет волен.
Вот дальнейший путь, которым
шел солдатский рацион.

Принятый Ворожеей,-
так ли, этак,- в полковую
поступал он кладовую;
там уж был начальник свой.

Там от мала до велика
все штабные, кто как мог,
брали - на сейчас и впрок,
ведь своя рука владыка.

Как паек поступит в роту,
тут уж ротный - его власть! -
для себя отхватит часть,
сколько самому в охоту.

Верный заповеди шкурной:
"Сам себе ты первый друг",
как тут не погреет рук
каждый офицер дежурный?
Червячок да муравей
нас обгложут до костей!

Хоть при этом провиант
поубавился порядком,
должен все-таки остатком
поживиться и сержант.

Так, пройдя мало-помалу
через командирский штат,
шло довольствие капралу
для раздачи - на солдат.

Самого себя капрал,
уж конечно, не забудет;
кто проверит, кто рассудит,
сколько отдал, сколько взял?

Как отхватят по ломтю
друг за дружкой эти хваты,-
с чем останутся солдаты?
Весь их рацион - тю-тю!

Раздадут им все поскребки,-
из несчастных этих крох
сварят разве (дай-то бог!)
в складчину котел похлебки.

А с кого за это спрос?
Дескать, выдаем сполна вам,
что положено уставом! -
и давали с гулькин нос.

Иногда,- и молвить страх,-

ополченцам доставался
только сор, что оставался
в опорожненных мешках.

Можно ль не озлиться тут
с адовой такой напасти?
Дескать, мало денег власти
на кормежку выдают.

Эх!.. Понять я и не тщился -
в темноте свой век прожил;
ничего я не забыл,
ничему не научился.

Все равно,- силен ли, слаб ли,
прав ты или виноват,
не бунтуйся,- усмирят
то ли палкой, то ли саблей.

Коль одежи вдруг какой
и подкинут, так при этом
если зимнюю, то летом,
если летнюю - зимой.

Хоть бы кто-нибудь, хоть раз,
объяснил бы нам все это!
Но другого нет ответа,-
сверху, мол, такой указ.

Власти у кого с мизинец,
всяк глумится над тобой.
Вот когда шлют на убой:
"Гаучо, ты ж аргентинец!"

Срам глядеть на эту рать!
Мы щутили через силу:
все равно наш путь - в могилу,
так зачем нас одевать?

Кто народ от бед избавит,
кто обронит от зол?
Кто бы к власти ни пришел,-
что найдет, то и оставит.

От иных - бог им судья -
слышал и такую речь я:
"Гаучо - как шерсть овечья:
только лучше от битья".

Эх, судьба! Уйдешь от тех -
доконают тебя эти...
Может, гаучо в ответе
за какой-то страшный грех?

Песнь двадцать девятая

Жук на том рассказ окончил,
и молчанье воцарилось;
а потом все зашумели,
радуясь столь дивной встрече.
Но уж так в тот день случилось,
так пришлось одно к другому,-
в той толпе, среди креолов,
оказался чернокожий³⁹,
знавший в пенье толк и мнивший
сам себя певцом из первых.
Будто просто так, без цели,
с равнодушьем нарочитым
(только от людей не скроешь
затаенную враждебность),
вышел он вперед, уселся
и, гитару взявши в руки,
пальцами провел по струнам.
Он напыжился и, чтобы
общее привлечь внимание,
кашлянув, прочистил горло.
Тут-то все и распознали,
что у негра было в мыслях:
явно он на состязанье
вызывал Мартина Фьерро,
вызывал высокомерно,

³⁹ ...в той толпе, среди креолов, //оказался чернокожий... - Возможно, что выбор негра в качестве противника Фьерро в состязании не случаен. В чилийском фольклоре, близком к аргентинскому, негр Тагуада оказывается побежденным в подобном соревновании; в аргентинском фольклоре легендарный паядор Сантос Вега терпит поражение от неизвестного певца, наделенного чертами дьявола (черный). В староиспанских источниках широко представлены факты о состязании между маврами и испанцами.

безбоязненно и дерзко.

Тут и Фьерро взял гитару,
с коей был он неразлучен,
и примолкшее собранье
стало слушать двух певцов.

Песнь тридцатая

Мартин Фьерро

Лишь заслышиу я гитару,
лишь застонут струны в лад -
я сажусь с певцами в ряд:
песня радует мне душу,
в честном споре я не струшу,
с ровней побороться рад.

Слушайте, кто хочет слушать,
и простить прошу вас всех,
коли будет в чем огрех:
всякий может ошибаться,
кроме разве только тех,
кто за труд не хочет браться".

Мой совет певцу - не чванься,
коли будешь ты в чести,
а не будешь - не грусти.
Привелось нам выйти вместе,
значит, песнь - тут дело чести -
на два голоса вести.

Коль такой уж выпал случай -
отчего же свою прыть
на людях не проявить
всем в утешу и во здравье?
Тут не скромность, а тщеславье
заставлять себя просить.

Смолоду я был певцом,
был веселым от природы,
но пришли крутые годы,-
с самой той поры и впредь

обречен судьбой я петь
горькие свои невзгоды.

Если груз воспоминаний
бросить с плеч удастся мне,
и об этом светлом дне
я спою для вас куплеты.
Коль согласен вторить мне ты -
в лад настрой струну к струпе.

Что ж, начнем, а там, гляди-ка,
кто-нибудь еще споет,
ведь певцам у нас почет;
пусть же для честного люда
струны тут звенят, покуда
не зардеется восход.

Я дорогу знаю - мне-то
не нужны поводыри,
ну, а ты уж сам смотри,
скажешь, коль придется тухо;
справишься - сменять друг друга
будем мы хоть до зари.

Я готов, коль станут слушать,
петь, пока не рассветет;
ведь певцы такой народ -
времени всегда им мало.
В прежние годы, бывало,
пел всю ночь я напролет.

Ну, а если кто не сдюжит,
пусть не ждет себе похвал.
Если ты гитару взял
на смех лишь честному люду -
лучше бы ты мыл посуду,
лучше бы ты шерсть чесал.

Негр

Вы, сеньоры, не взыщите,
я не больше, чем я есть,
для меня такая честь,

что судьба явила милость
и с певцом столь знаменитым
пожелала меня свесть.

Кое в чем я тоже белый,
взять хоть зубы - два ряда!
Много трачу я труда,
чтоб не помыкали мною:
лезть к чужому водопою -
быть настороже всегда.

Я в семье десятый сын,
но в работе и в игре я
старших братьев был сильнее:
ведь недаром есть словцо,
что десятое яйцо
у несушки всех крупнее.

Негры страх чадолюбивы,
хоть не любят громких слов,
каждый кровь отдать готов
за родимого сынка,-
все едино, как мака⁴⁰,
держат под крылом птенцов.

Я, однако, вольным рос,-
без стесненья и без страха
я носился, словно птаха,
у которой нет гнезда;
кой-чему я в те года
и учился - у монаха.

Знаю я не хуже прочих,
отчего бывают грозы,
отчего вслед за летом
зимняя приходит стужа,
где и как вода берется,
ливнем льющаяся с неба.

Знаю, чем земля богата,
что она скрывает в недрах,
где в ней золото родится,

⁴⁰ ...Мака - водоплавающая птица.

и рождается где железо,
и клокочут где вулканы,
изрыгая дым и пламя.

Знаю, где в морской пучине
водятся какие рыбы,
отчего растут деревья,
отчего бушуют вихри,-
то, что неизвестно белым,
негру бедному открыто.

Коль со мной добром - я добрый,
коли худом - я худой.
Ежели противник мой
хочет спорить - спорить будем.
Нам двоим шагать, а людям
разбираться, кто - хромой.

Если что нескладно выйдет,
пусть простит честной народ,
перед коим довелось
мне слагать куплеты эти:
нет нескладицы на свете,
чтобы худшей не нашлось.

Пусть певец и с черной кожей,
песнь не стоит обрывать;
слушать да на ус мотать
никому не помешает:
кто несведущ, тот узнает,
зnavший будет крепче знать.

И за черным лбом бывают
мысли светлого светлей;
может, хоть лицом черней,
я душой не хуже прочих.
Что чернее черной ночи?

А ведь блещут звезды в ней!
Хочешь петь вдвоем - изволь.
Брось вопрос мне для начала,
и, хотя учен я мало,
к многолюдству не привык,

грубый у меня язык -
отступать мне не пристало.

Мартин Фьерро

Негр, тебе ль меня бояться,
если так ты умудрен?
Но, коль я спросить волен,-
услыхать хотелось мне бы,
под гитарный перезвон,
что зовешь ты песнью неба?

Негр

Слышно, первый из людей
был курчавым, чернокожим,
словом, на меня похожим;
белым удалось потом
память истребить о нем,
как о первенце о божьем.

Белый ад изобразит -
черта он малюет черным,
негр малюет белым черта.
Краска - что? Ведь суть не в ней:
бог, что создавал людей,
не делил их на два сорта.

Вот с чего хотел начать я,
а теперь ответ держу.
Вам, сеньоры, я служу
и, собранью на потребу,
как умею, расскажу,
что зову я песнью неба.

Много песен знает небо,
и печальных и веселых:
в них роса беззвучно плачет,
в них разгульно ветер свищет,
то в них бурный дождь рыдает,
то веселый гром хохочет.

Мартин Фьерро

Белых создал бог и черных,
мы равно его сыны,
и в страданьях мы равны.
Но ведь создал бог вначале
свет - дабы мы отличали
черноту от белизны.

Так не надо обижаться
и других язвить не след;
в цвете кожи срама нет,
но я хвастать им негоже!
всяк живет до смерти в коже
в той, в какой рожден на свет.

Я люблю певцов отважных,
что посмели и смогли.
Так еще нам удели
своего крупицу знанья:
я прошу, уважь собранье,
расскажи про песнь земли!

Нegr

Знаньями я не хвалюсь,
но не больно я пугливый,
а напарник мой пытливый
раздразнить сумел меня:
так умеет из кремня
искры высекать огниво.

На вопрос я так отвечу
по своим познаньям скудным:
в песне, что земля поет нам,
слиты с плачем материнским
стоны тех, кто умирает,
крики тех, кто народился.

Мартин Фьерро

Нegr, поешь ты как мужчина,
несмотря что ты юнец.
Истинных мужчин творец

наделил таким отличьем,
так же и в семействе птичьем:
птица с голосом - самец.

Коль имеешь этот дар
и, словам гитарой вторя,
ты из радости и горя
можешь плесть куплетов вязь,
не смущаясь, не кичась,
расскажи о песне моря.

Негр

Я судить о певчих птицах
не берусь - не птицелов.
Говорят, с десяток слов
может затвердить сорока,
но лишь самка; от самцов
в этом деле мало прока.

Уж не знаю, разуменья
мне достанет или нет,
чтобы дать тебе ответ.
Но взялся, так уж, не споря,
за тобой иду вовслед:
расскажу о песне моря.

Ежели бушует буря -
завывает и ревет,-
это море песнь поет:
надрывает оно душу,
горько жалуясь, что суша
волнам ходу не дает.

Мартин Фьерро

Ты пока свое искусство
показал едва на треть;
на вопрос еще ответь,
коль твоей достанет мочи:
есть ведь песнь у темной ночи,
можешь ты о ней нам спеть?

Негр

Не вонзай без нужды шпоры,
больше думай о коне,-
так говаривали мне.
Знай, расспрашивать охочий,
знай: немало песен夜里
я подслушал в тишине.

Лишь на суету дневную
ночь накинет свой покров,
раздается чей-то зов,
и на этот зов печальный
отвечает отклик дальний
из неведомых краев.

И пока не встанет солнце,
не прогонит мрак ночной,-
спящих будят вперебой
стоном, шепотом несмелым
души, что расстались с телом:
ждут молитв за упокой.

Мартин Фьерро

Негр, ты похвалы достоин
за искусный твой ответ,
поговорок и примет
помнишь ты, видать, немало,
знаний у тебя достало
объяснить и мрак, и свет.

Что ж, продолжи то, что начал,
и не говори "не дюж",
коли сам взялся за гуж.
Только знай, что нам с тобою
незачем мешать покою
к богу отлетевших душ.

Рассудительным моим
не пренебреги советом,-
злоба в песне под запретом.
Вот еще вопрос, и вновь

нас порадуй ты ответом:
как рождается любовь?

Негр

Бедный негр, простой пеон,
выдержу ли испытанье?
Приложу я все старанья,
соберу уменье все;
знать невежество свое -
в том уж есть крупица знанья.

Птаха вьется в поднебесье,
ты вглядись в ее полет,
вслушайся: она зовет
милую свою подругу.
Эта малая пичуга
песнь любовную поет.

Зверь - он в логове укромном
ото всех любовь таит;
вслушайся, как он рычит:
петь не может хищник дикий,
но в его свирепом рыке
песнь любовная звучит.

Всем - от мошек до людей,
сущему всему знакома
та любовная истома;
так уж рассудил господь:
он, создав живую плоть,
дал любовь всему живому.

Мартин Фьерро

Что же, негр, признать я должен
ты искусен и смышлен;
был сперва ты мне смешон,
но сумел внушить почтенье.
Сделай же нам одолженье,
расскажи: что есть закон?

Негр

Тьма премудростей на свете,
где мне все их понимать?
Лишь в своем - скажу опять -
я невежестве уверен;
но сдаваться не намерен,
ты спросил - мне отвечать.

Никакой я не искусствник,
но в одном ты все же прав:
у меня упрямый нрав -
только подзадорь меня ты!
Так заваривают мате:
кипятком траву обдав.

Вот еще одна задача,
всех мудреней, всех трудней.
Разберусь ли толком в ней?
Так закон могу понять я:
писан всем он без изъятья,
а гнетет - простых людей.

С паутиной схож закон.
Он большому господину -
толстосуму или чину -
угождает, как слуга.
Кто силен - рвет паутину,
застревает мелюзга.

Коли грянет он, как ливень,
от него куда уйдешь?
Он людей кидает в дрожь.
Только будет всяк согласен:
навостренный нож опасен
не тому, кто держит нож.

Говорят: "Меч правосудья!"
Что ж, не спорю: только тот,
кто его пускает в ход,
рубит им наудалую
и не видит зачастую,
чьи он головы сечет.

Грамотей ответ бы дал
на вопрос такой мудреный
целой книжицей ученой;
я скажу на этот счет,
что под вывеской закона
беззаконие живет.

Мартин Фьерро

Негр, ты славные ответы
на вопрос даешь любой.
Встрече радуюсь с тобой,-
зной, в тебе есть искра божья.
Ты свой путь средь бездорожья
отыскал - гордись собой.

Песнь поешь ты складно, вольно,
против правды не греша,
тем она и хороша.
Правде той поклон мой скромный.
Важно ль, что с лица ты темный,
коль светла твоя душа?

Спорю я с тобой как равный,
пусть ты молод, нужды нет.
Нам, певцам, таить не след
от других свои познанья;
спрашивай, коль есть желанье,
мой черед держать ответ.

Негр

Спрашивать ты предложил,
я не стану упираться;
оплошаю, может статься,-
ты меня тогда поправь.
Что ж, начну: пустился вплавь,
так нельзя воды бояться.

Хочется узнать побольше,
жить невеждой тяжело.
Может, коль на спор пошло,
облегчишь ты это бремя?

Объясни мне - что есть время,
вес, и мера, и число.

Дашь ответ - твоей победой
и закончится наш спор,
не нарушу уговор.
Скольких уж певцов я встретил
на вопросы не ответил
ни один мне до сих пор.

Взять число: зачем оно?
Может, мыслю я превратно,
только мне вот непонятно:
почему творец опять
все, что он решил создать,
повторяет многократно?

Мартин Фьерро

Негр, ты, скорый на ответы,
на вопросы тоже скор;
не иначе, с давних пор
ты замыслил нашу встречу.
Что ж, попробую, отвечу,
может, тем и кончим спор.

И земля одна, и солнце,
лишь один и месяц ясный,-
бог творил, без повторенья,
мир единый, мир согласный.
Жизнь - едина: эту жизнь
бог вдохнул во все живое,
счет же человек придумал,
чтоб создать все остальное.

Негр

Что ж, теперь другой вопрос
я задам Мартина Фьерро:
невдомек мне, маловеру,
невдомек мне: почему
в мире сущему всему
положил создатель меру?

Мартин Фьерро

Я отвечаю, и волен ты
мой ответ принять на веру.
Человек себе на пользу
выдумал число и меру.
Суетится человек,
отмеряет шаг свой каждый,
бог же мерил лишь однажды:
он людской отмерил век.

Негр

Мне ответь - и твой признаю
надо мною перевес;
не пустой мой интерес,
но певцу знать нужно это,
потому и жду ответа
на вопрос: что значит вес?

Мартин Фьерро

Много в мире божьих тайн,
их, не мудрствуя, приемлю.
Вес дал всем вещам создатель,
чтобы падать им на землю.
А еще мое об этом
есть такое разуменье:
на своих весах он наши
взвешивает прегрешенья.

Негр

На вопрос теперь последний
жду ответа твоего,-
и твое тут торжество
сам признаю перед всеми.
Для чего бог создал время?
Разделил зачем его?

Мартин Фьерро

Что же, и на этот счет
выскажу мое сужденье:
время - это промедленье,
все приходит в свой черед.
Вечным колесом катиться
времени в удел дано:
не было ему начала
и не кончится оно.
Разделили время - люди
с тем, чтобы могли они
оглядеть былье годы,
глянуть в будущие дни.

Коли есть еще вопрос
(вижу, ты пытливый малый),
дальше спрашивай, пожалуй,
я отвечу, как могу.
Вдруг я, старый да бывалый,
молодому помогу.

Сроду не был я кичливым,
не грешил и похвальбой;
только нашею борьбой
я не утомлен покуда.
В самый раз бы нам с тобой
спеть про жизнь простого люда.

Спой-ка, негр, о чем попроще,
что дудеть в одну дуду?
Приготовься, подожду.
Спой,- послушать всем в охоту,-
про себя, свою работу
в пампе, в летнюю страду.

Негр

Если знаньями я беден,
то не по своей вине.
Где уж петь мне наравне
с мастерами высшей пробы?
Только не прошу я, чтобы
делали поблажки мне.

В том, что я невежда круглый,
не признался ли я сам?

Побежденным быть не срам,
я не лезу во всезнайки;
но скажу вам без утайки,
что дразнить себя не дам.

В скачках тот не будет первым,
кто не ловок, кто не скор;
проигравши, свой задор
должен обуздать теперь я.
Что ж, рискует подмастерье,
с мастером затеяв спор.

Новичок дорогу в пампе
ищет на манер слепца:
кружит, кружит без конца,
обессилевши, измучась...
Вот на что похожа участь
побежденного певца.

Дуб и тот под ветром стонет,
ветви мощные клоня,
не судите и меня,
коли песнь звучит надсадно:
бесконечна, безотрадна
ночь после такого дня.

Слишком горько будет мне,
если зарекусь от пенья,
но да будет провиденье
мне порукою, что впредь
не для славы буду петь -
только сердцу в утешенье.

Уж написано, как видно,
мне злосчастье на роду,
и, куда я ни пойду,
от злосчастья не укрыться.
Ежели бедняк взбодрится -
сразу попадет в беду.

Трудно без надежды жить,

радости не ожидая;
спуталась со мной лихая
неотвязная печаль.
Что ж, коль не рожден для рая,
на небо глаза не пяль!

И позвольте напоследок
покаянье вам принесть
(скрыть не позволяет честь):
шел не только петь сюда я,-
есть обязанность святая,
долг за мной давнишний есть.

Я у матери моей
младшим сыном был, десятым;
старшим мы гордились братом -
силой, ростом, всем он взял.
Но сражен был наповал
драчуном одним завзятым.

Горе было безутешно,
много слез тут пролилось.
Все мы, сообща и врозь,
чтоб найти убийцу брата,
рыскали, но супостата
отыскать не удалось.

Из могилы брат не встанет,
поминать не след о нем;
он под солнцем и дождем
превратился в прах сыпучий.
Все ж, надеюсь, будет случай -
счет с убийцей мы сведем.

Если нам, певец почтенный,
предначертано судьбой
снова встретиться с тобой -
мы споем о наших близких
и о тех убийствах низких,
что случаются порой.

И прошу, сеньоры, вас
сделать для себя замету:

братья разбрелись по свету,
по, хоть много лет прошло,
а не позабыть им зло,
смерть не позабыть им эту.

Все назначеннное нам
кроется от нас в тумане,
потому от предсказаний
воздержаться надо мне.
Разве о грядущем дне
можем мы узнать заране?

Мартин Фьерро

Наконец-то затяжная
прекратилась болтовня.
Долго, путая, темня,
злобное ты прятал жало,-
это с самого начала
было ясно для меня.

Раз друг дружку мы узнали -
время замолчать струнам;
не пристало также нам
портить праздник добрым людям.
Случай торопить не будем -
он небось придет и сам.

Я не знаю, что нас ждет,
быть я не хочу пророком,
но по жизненным дорогам
твердо мы должны идти;
не сверну и я с пути,
мне назначенного роком.

Вот мой путь: сперва - граница,
дальше - лиходей судья,
там попал к индейцам я...
А теперь снова здорово:
скрасить старость мне готова
негритянская семья!

Стало быть, десяток вас?

Ишь, и вправду многовато;
но какая вам цена-то?
Ведь свинья родит подчас
дюжину детей зараз,
да все детки - поросыта.

Вы, такие вот, как ты,
памятливы и жестоки,
драки вам нужны да склоки,
забывать вам не с руки!
Люди ведь не пауки,
что сосут из жертвы соки.

Видел белых я и черных,
всяких видел драчунов,
смельчаков и молодцов,
а еще не взят могилой.
Хочешь - песней, хочешь - силой
я помериться готов.

Все мы под ярмом, и каждый
гуж натягивает свой.
Незачем мне рваться в бой,
драка мне не тешит душу,
но перед врагом не струшу,
мертвый он или живой.

Думал я - вспахал все поле,
ан еще осталась пядь.
Да неужто мне опять
в этом колесе крутиться?
Ббитый гвоздь, как говорится,
далъше некуда вбивать.

Песнь тридцать первая

После этих слов, из коих
вышло скрытое наружу,
слушавшим пришлось вмешаться,
чтобы не дошло до схватки;
и, хотя с трудом немалым,
удалось уладить дело.

Тут, покинув шумный праздник,
юноши с Мартином Фьерро
сели на коней и шагом,
как приличествует смелым,
двинулись: отъехав малость,
спешились они у речки.

Расседлав своих лошадок,
четверо в кружок уселись,
и опять пошли рассказы -
вспоминалось то да это,
ибо долгая разлука -
мать бесчисленных историй.

Вот и ночь к ним подоспела,
свой раскинув черный полог,
шитый золотом созвездий;
этот полог всем доступен,
а для гаучо ночлега
лучшего и быть не может:
за тюфяк сойдет попона,
а потник - за одеяло,
и седло - чем не подушка?

Завернувшись с головою
в пончо, может не бояться
ни росы он, ни прохлады.

Нож на поясе,- ведь в пампе
начеку быть надо все же;
хлыст с уздечкой под рукою,
конь поблизости пасется,
 всадником своим приучен
быть на расстоянье лассо
(но привязывать им лошадь
истый гаучо не станет),-
так всю ночку до рассвета
и проспит он безмятежно.

Ежели ночевку выбрал
он подальше от дороги
(осторожность не мешает),
то спокойней спать он может,
чем в своем родимом ранcho:
на просторном этом ложе
не бывает свар семейных
и клопов в нем тоже нету.
Все - и те, кому однажды

так заночевать случилось,
и кому в привычку это -
скажут вам одно и то же.
А потом, чуть свет забрезжит,
спящего разбудят птицы:
допоздна тот спать не будет,
кто ложится натощак.

Им-то четверым подавно
эта ночь была как праздник:
Ночь светлее дня порою,
коль светло у нас на сердце.
Но не суждено быть вместе
им, бродягам неимущим,-
предстояло им расстаться,
ибо легче в одиночку
бедняку найти работу,
кров найти и пропитанье.
И тогда, перед разлукой,
на пороге новой жизни,
в скорбную для всех минуту,
умудренный Мартин Фьерро
сыновьям - и сыну Круса -
напоследок молвил так:

Песнь тридцать вторая.

Я отец и старший друг -
речь моя вдвойне надежна.
Первым делом осторожно
жить вам надо: где и как
укрывается твой враг,
догадаться невозможно.

Я одной обязан школе -
горю только своему,-
в ней учился я уму;
так простите мне заране
все ошибки - где взять знаний,
не учившись ничему?

Я ученых-то всегда

выше неученых ставил,
но к тому бы я добавил,
чтоб душой не покривить:
можно без наук прожить,?
не прожить без добрых правил.

Труд, пусть выгодный и легкий,
коли ничему не учит,
скоро до смерти наскучит.
Не ищите барыша,
но поймите - что вас мучит,
а к чему лежит душа.

Тайные твои надежды,
зной,- не для чужих ушей.
Уповай в беде своей
ты на одного лишь бога,
да еще на друга, много,
ежели на двух друзей.

Каждый может ошибиться,
так над промахом чужим
насмехаться погодим,
славы нет в такой потехе.
Помните свои огрехи
и прощайте их другим.

В тень не прячься, коль на друга
вражья нападет орда.
Сам же, коль придет беда,
не взывай к его услугам:
гордость даже перед другом
не теряй ты никогда.

Над скupцом, как и над трусом,
все глумятся поделом;
мы, расставшись с барахлом,
о потере не жалеем.
Жадность дружит с богатеем,
щедрость дружит с бедняком.

Хочешь, чтобы уважали,-
уважай и ты людей;

сам собой всегда владей,
воли не давай порывам,
перед сильным не робей,
а со слабым будь учтивым.

Нам тяжелый труд в привычку.
Пусть ты за день изнемог,-
ешь и спиши ты без тревог,
дышишь вольно, ходишь смело.
Вот подачки брать - не дело:
в горло не пойдет кусок.

В поте своего лица
хлеб насущный добываем,
только вот что забываем:
нищета с сумой своей
топчется у всех дверей,
входит же она - к лентяям.

Никому не угрожайте -
что мы сеем, то пожнем.
Помните всегда о том,
как опасно задираться:
кто пугает, тот потом
будет сам всего бояться.

Человеку помогает
противостоять судьбе
и не изнемочь в борьбе
не факон, не нож, не пика,
но терпения толика
да уверенность в себе.

Разум нам дала природа,
что мы, люди, без него?
Только - глядь - у одного
(вот вам повод для раздумья!)
он пошел в благоразумье,
у другого - в плутовство!

Коль удача подвернется,
ты осилишь силача,
обыграешь ловкача,

укротишь головореза.
Но удача, как железо:
куй, покуда горяча!

Что потеряно, порой
возвращается обратно,
но да будет вам понятно -
это опыт говорит,-
если кто теряет стыд,
то потеря невозвратна.

Братьям надо жить в ладу,
жить любовно, справедливо;
помните, что особливо
старший младшему оплот.
Где промеж своих разброд,
там чужим всегда пожива.

Уважайте стариков:
старости почет по праву.
Забубённую ораву
обходите стороной:
сам в компании дурной
наживешь дурную славу.

Слепнут аисты под старость,
корм не могут добывать,
но тогда отца и мать
кормят выросшие дети;
правила святые эти
нам бы, людям, перенять.

В сердце растравлять не надо
раны от былых обид:
было, да прошло - и квит.
Но не раз я в жизни видел:
если кто тебя обидел,
он тебя же и чернит.

В подчиненье всем несладко,
горше тем, чей нрав крутой.
Эх, несли бы крест земной,
что назначен мирозданьем,

подчиненный - с послушаньем,
а начальник с добротой!

Чести не вернем мы, коли
смолоду не сохраним,
слава добрая - как дым.
Легче легкого с пороком
подружиться ненароком,
трудно развязаться с ним.

Вороватая сорока
все хватает, что блестит;
людям честность не велит
взять чужой хоть грошик медный.
Не стыдись того, что бедный,
вором быть - вот это стыд.

Не деритесь без причины.
Да, на совести моей
есть грехи, и вечно в ней
копошится червь сосущий...
Бойтесь, люди, всего пуще
бойтесь убивать людей!

Пролил кровь я и поныне
въявь терзаюсь и во сне.
Память о моей вине,
угрызенья не ослабли:
словно огненные капли
душу прожигают мне.

Я, как друг, предупреждаю
вас, неопытных ребят,
что бутылка - супостат
самый страшный, самый лютый.
Провинился во хмелю ты,
значит, вдвое виноват.

Вспыхнет бунт не торопитесь,
разузнайте о вожде:
может, к пущей лишь беде
приведут его затеи.
Учатся все брадобреи

на бедняцкой бороде.

Если на любовь получишь
ты от женщины ответ,
обижать ее не след,-
низко, да и безрассудно:
женщине навлечь нетрудно
на обидчика тьму бед.

Коли теплится в тебе
искра песенного дара,
то уменья ты и жара
ради пустяков не трать;
пусть звенит твоя гитара,
если есть о чем сказать.

Говорю вам в поученье,
чтоб на опыте моем
вы учились; но живем
мы не опытом единственным,
вам придется, как мужчинам,
жить перед своим умом.
Много размышлял об этом
я в лихие времена,
ночи проводя без сна.
Правда в тех советах, дети:
юным нужно все на свете,
старым - истина нужна.

Песнь тридцать третья

И все четверо пустились
на четыре стороны;
но навек с отцом сыны
тайным связаны обетом,
только до поры об этом
мы помалкивать должны.

Лишь скажу, что порешили
(не дивитесь, в наши дни
разве так они одни
поступают?), что отныне

для скитаний на чужбине
сменят имена они.

И, сказав о том, прошу вас -
не подумайте спроста:
мол, на новые места
едут с мыслями худыми,
мол, когда меняют имя,
значит, совесть нечиста.

Не пеняйте, что певец
vas не тешит, но тревожит,
думы тягостные множит.
Ведомо и вам самим:
узел слишком стал тугим!
Кто ж его распутать сможет?

Песнь про гаучо я спел вам,
и пора кончать ее,
хоть бы мог про их житье
петь до смертного я часа,-
ведь не до конца свое
размотал еще я лассо.

Умолкаю, а надолго ль,
сам не ведаю о том.
Хоженым идти путем
легче было бы намного,
только мне милей дорога
прямо к правде, напролом.

Зверь в норе укрыться может,
птица прячется в гнезде,
рыба - меж камней в воде,
только гаучо, беднягам,
неприкаянным бродягам,
нет пристанища нигде.

Мечутся, судьбой гонимы,
словно палая листва!
Нет, нужны тут не слова!
Кто ж подумает о деле -
чтоб дома они имели,

школы, церкви и права?

Время уж распутать узел!
Все нахальней, что ни год,
кружит подлый хоровод
захребетников зубастых
да стервятников горластых,
что терзают наш народ.

Но, даст бог, не навсегда
мы в глубокой этой яме.
Действовать должны мы сами
и при этом твердо знать:
чтобы разгорелось пламя,
надо снизу разжигать.

Власть имущие стремятся
только к выгоде своей,
что им до простых людей,
им нужны лишь лизоблюды:
власть, как дерево Иуды,
губит всех, кто рядом с ней⁴¹.

И, как водится, все шишки
падают на бедняков.
Но они в конце концов
своего дождутся часа:
ведь из малых ремешков
крепкое свивают лассо.

В этой книге только правда.
Коль ее ты дочитал,
зной, что автор не приврал
и что не был он корыстен:
на поставке горьких истин
не составишь капитал.

Отдохнуть теперь позвольте:
тяжкую я ношу нес,
задал не один вопрос,
на иные дал ответы,

⁴¹ ...власть, как дерево Иуды, // губит всех, кто рядом с ней.- По народному поверью, тень от смоковницы (дерево Иуды) вредоносна.

тридцать три мной песни спеты -
столько прожил лет Христос.

Но притом не позабудьте
одного еще словца
утомленного певца:
свой рассказ (коль провиденье
жизнь продлит и вдохновенье)
доведу я до конца.

Если ж не вернусь я к песням
о родимой стороне,
то не по своей вине;
о моей услышав смерти,
каждый гаучо, поверьте,
погорюет обо мне.

Радует меня их радость,
их печаль меня гнетет;
многих мой рассказ проймет,
мало кто его забудет.
Сохранять вовеки будет
память обо мне народ.

Память - драгоценный дар!
Коль ругнул тут кой-кого я
и задет он за живое -
пусть не злобится душа:
если позабыл дурное,
значит, память хороша.

И да не обидит вас
речь правдивая, прямая:
о нужде родного края
песни пел я много лет,
не кому-нибудь во вред,
но добра для всех желая.

Хосе Эрнандес, 1872, 1879

Электронная библиотека «Оригинал» - Классическая литература на языке оригинала и переводы на иностранные языки <http://originalbook.ru>

